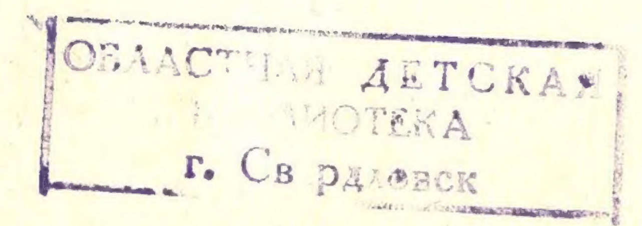

Боевые ребята
№ 11

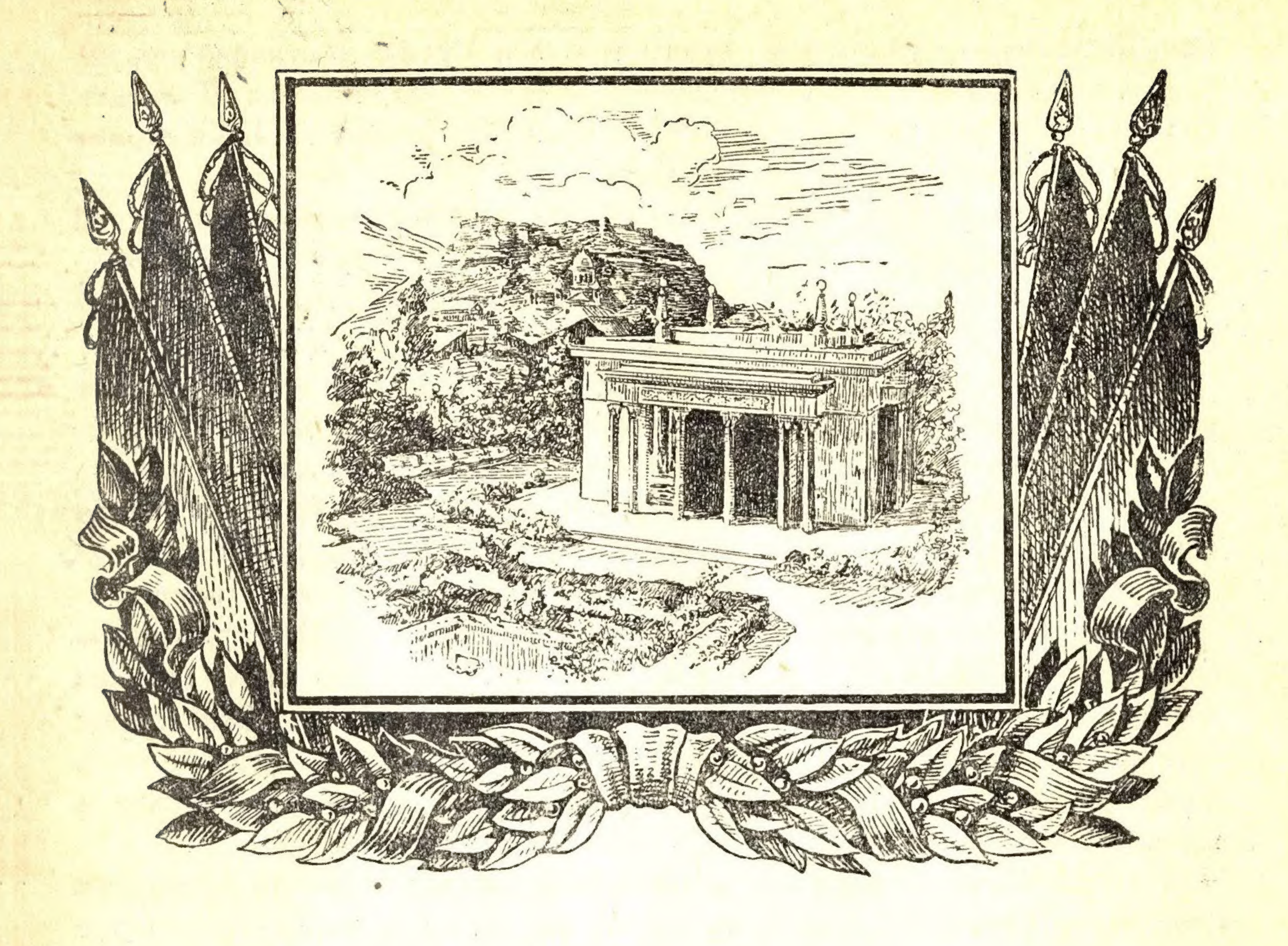
БОЕВЫЕ РЕБЯТА

ВЫПУСК ОДИННАДЦАТЫЙ

Свердловское Областное
Государственное Издательство
1950

ДЛЯ МЛАДШЕГО
И СРЕДНЕГО ШКОЛЬНОГО
ВОЗРАСТА

21 декабря 1949 года народы Советской страны торжественно отпраздновали семидесятилетие со дня рождения великого вождя трудящихся всего мира Иосифа Виссарионовича Сталина.

Вся жизнь И. В. Сталина — ярчайший пример беззаветного служения народу.

И. В. Сталин родился в 1879 году в городе Гори (Грузия). Уже в детстве он горячо сочувствовал рабочим и крестьянам, которых беспощадно угнетало и притесняло царское правительство. Пятнадцатилетним юношей товарищ Сталин вступил на трудный и опасный путь революционера. Ни многочисленные аресты, ни ссылки на далёкий север не могли сломить его. Вместе с Лениным Сталин создал и закалил в боях партию большевиков. Он был организатором и руководителем Великой Октябрьской социалистической революции. Партия посылала товарища Сталина на самые трудные участки. Много раз спасал он от гибели молодое советское государство.

После смерти В. И. Ленина И. В. Сталин продолжил его дело. Под руководством Сталина наша страна стала богатой и сильной. В тяжёлые

годы Великой Отечественной войны товарищ Сталин возглавил борьбу советского народа против немецко-фашистских захватчиков. С именем Сталина советские воины шли в бой, и враг был разбит, а наша страна стала ещё сильнее, ещё могущественнее.

После окончания войны Советский Союз, руководимый сталинской партией большевиков, достиг новых замечательных успехов. За последние годы построено много новых заводов, фабрик, каналов, железных дорог.

Громадное внимание уделяет товарищ Сталин детям. Советские ребята получают всё больше новых прекрасных школ, детских садов, дворцов пионеров. За отеческую заботу о счастливом детстве ребята отвечают вождю горячей любовью и благодарностью. Вместе со всем народом они дружно восклицают: «Пусть живёт и здравствует долгие годы лучший друг советской детворы Иосиф Виссарионович Сталин!»

День семидесятилетия со дня рождения Иосифа Виссарионовича Сталина трудящиеся всего мира отметили, как один из самых великих праздников. Со всех концов земного шара на имя товарища Сталина поступило множество поздравительных телеграмм, писем, приветствий, подарков, выражающих всю силу безграничной любви трудящихся к великому вождю человечества.

Русские и казахи, китайцы и французы, поляки и негры неустанно благодарят великого Сталина за то, что он создал и укрепил советское государство — надежду угнетённых всего мира; за то, что под его руководством советский народ разгромил фашизм, грозивший превратить в рабов всё человечество; за то, что он возглавляет борьбу трудящихся за мир против новой войны.

Писатели и поэты посвятили Иосифу Виссарионовичу Сталину свои вдохновенные произведения.

СЛОВО К ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ

М. Исаковский

Оно пришло, не ожидая зова,
Пришло само — и не сдержать его...
Позвольте ж мне сказать Вам это слово,
Простое слово сердца моего.

Тот день настал. Исполнилися сроки.
Земля опять покой свой обрела.
Спасибо ж Вам за подвиг Ваш высокий,
За Ваши многотрудные дела.

Спасибо Вам, что в годы испытаний
Вы помогли нам устоять в борьбе.
Мы так Вам верили, товарищ Сталин,
Как, может быть, не верили себе.

Вы были нам оплотом и порукой,
Что от расплаты не уйти врагам.
Позвольте ж мне пожать Вам крепко руку,
Земным поклоном поклониться Вам.

За Вашу верность матери-отчизне,
За Вашу мудрость и за Вашу честь,
За чистоту и правду Вашей жизни,
За то, что Вы — такой, какой Вы есть.

Спасибо Вам, что в дни великих бедствий
О всех о нас Вы думали в Кремле,
За то, что Вы повсюду с нами вместе,
За то, что Вы живёте на земле.

*

С. Маршак

Хочу я внуку рассказать о том,
Что бережно в душе моей хранится.
Рассказ начну я с памятной страницы.
В Большом дворце Кремлёвском был приём.

В те дни, когда летучие ракеты
Нам озаряли сумерки весной,
Когда салют и гром — глашатай лета —
Гремели, чередуясь, над страной;

Когда войска — народ вооружённый,—
По площади широкой проходя,
Бросали с бою взятые знамёна
Перед трибуной славного вождя;

Когда шагали по Москве солдаты,
Ещё недавно бравшие Берлин,—
И пожилой гвардеец седоватый,
И —рядом с ним — двадцатилетний сын,—

В те дни и твоему случилось деду
Бродить в толпе народной по Москве,
А вечером — на первом торжестве —
С творцом победы праздновать победу.

Такой счастливый, долгожданный час
Бывает в нашей жизни только раз,
И если был,— то кажется нам сказкой:

Под звон часов пришли мы к башне Спасской.
Под звон, который знает вся земля,
Вошли в ворота старого Кремля.

Шагая по асфальтовой панели,
Мы огибали белые дома.
Шаги веков — казалось нам — звенели
Здесь, на вершине древнего холма.

Мы думали, прервав свои беседы,
Что за одним из окон здесь живёт
Тот, чья рука ведёт родной народ
Высокими дорогами победы.

Что здесь в былые дни работал Ленин,
Писал декреты, планы создавал.
Вот и дворец. Широкие ступени —
И входим мы в Георгиевский зал.

Меж белых стен, где памятные доски
Ещё хранят преданья старины,
Проходят Василевский, Рокоссовский,
Толбухин, Конев — только что с войны.

Проходят боевые сталинградцы,
Герои Черноморья и Днепра...
Вокруг столов сверкающих садятся
Те, кто в землянках жил ещё вчера.

И вдруг опять в огромном светлом зале,
Порывом окрылённые одним,
Все поднялись. Вошёл товарищ Сталин,
И Молотов и Ворошилов с ним.

Катясь подобно рокоту морскому,
Рукоплесканья потрясали зал.
Но вот он встал — такой нам всем знакомый,—
Держа в руке наполненный бокал.

Он встал под шум торжественный привета,
Наш полководец мира и войны,
Тот, на кого во всех краях планеты
С надеждою глаза обращены.

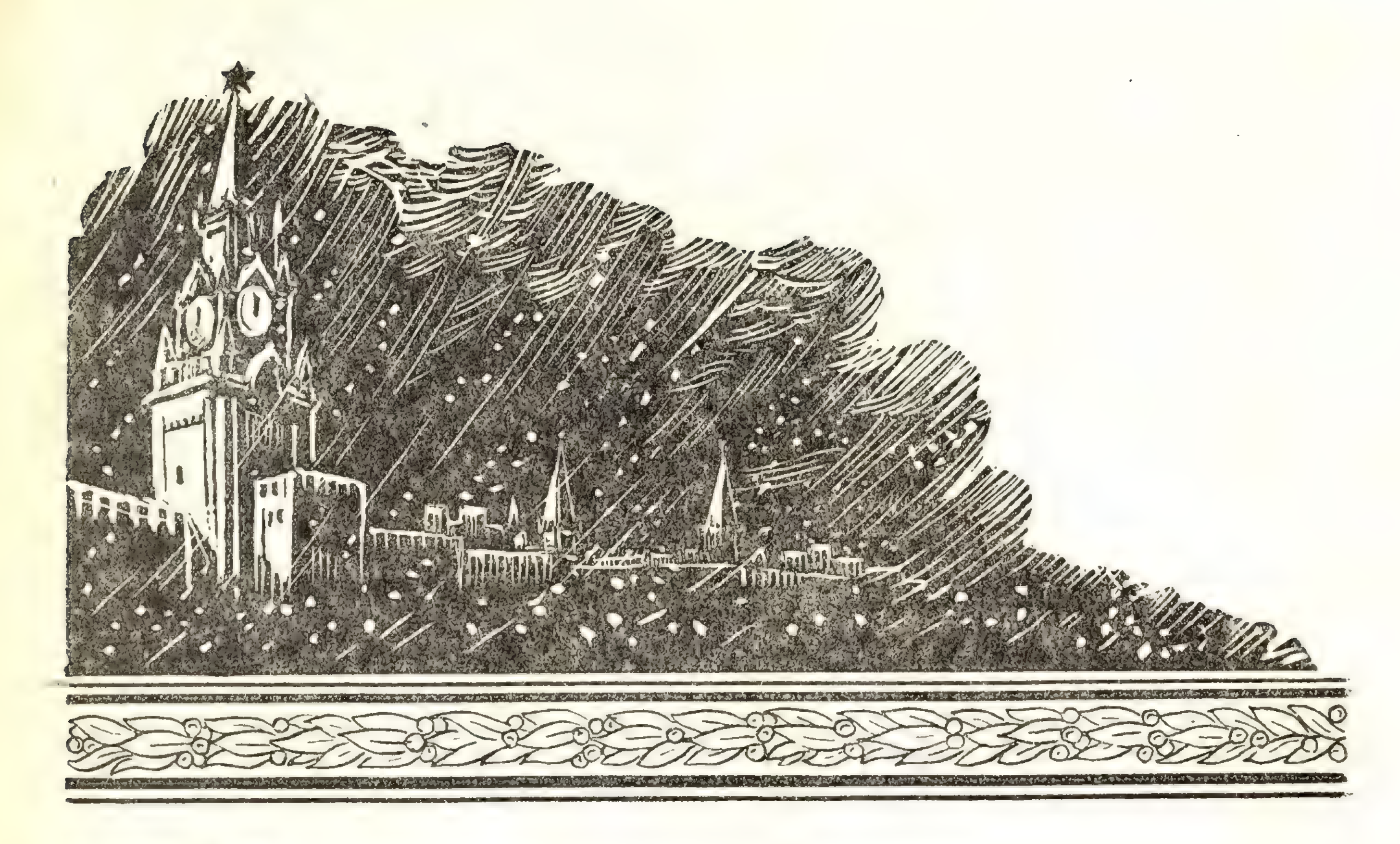
И сохранились в памяти навеки
Его неторопливые слова
О рядовом герое торжества —
Простом и незаметном человеке.

И сам он был так бесконечно прост —
Народный вождь, военачальник, зодчий.
И вспомнился его давнишний тост
В Батуме — в тесной комнате рабочей.

В кругу друзей встречал он Новый год
И, у окна синеющего стоя,
Сказал он: — Всходит солнце молодое.
Настанет день — для нас оно взойдёт! —

Оно взошло с востока величаво
И не померкнет в небе никогда
Над той страной, где воинская слава
Стоит на страже мира и труда!

А. Сурков

* * *

Шуршит по крышам снеговая крупка.
На Спасской башне полночь бьют часы.
Знакомая негаснущая трубка,
Чуть тронутые проседью усы.

Он наш корабль к победам вёл сквозь годы,
Для нашей славы временем храним.
И в эту ночь над картой все народы
В седом Кремле склонились вместе с ним.

На карте фронт узорной вязью вьётся.
И он, нацелясь в чёрные кружки,
Привычным, точным жестом полководца
Отодвигает к западу флажки.

Он встал над фронтом, над Москвой, над нами,
Он руку к западу простёр свою:
— Пусть осенит вас ленинское знамя,
Сыны мои, в решительном бою!

*

Джамбул

Чтобы ты, малыш, уснул,
На домбре звенит Джамбул.
Струны он перебирает
Доброй дедовской рукой,
Колыбель твою качает
И тихонько напевает,
Чтоб слетел к тебе покой.

Дремлет синяя звезда.
На джайляу спят стада.
Спят пуховые козлята,
Верблюжата спят в степи,
Золотые жеребята,
Крутолобые телята,
Тонкорунные ягнята.
Ты, малышка, тоже спи!

Спят кузнечики в траве,
Рыбки спят в Аму-Дарье.
Тишине глубокой внемля,
Над рекою спит камыш,
Спят цветы, озёра, земли.
Отчего же ты не дремлешь,
Черноглазый мой малыш?

Засыпай, малыш-казах,
Ты в испытанных руках,
Сталин смотрит из окошка —
Вся страна ему видна.
И тебя он видит, крошка,
И тебя он любит, крошка,
За тебя, мой тёплый крошка,
Отвечает вся страна.

Ты один из сыновей
Светлой Родины своей.
О тебе — отца ревнивей —
Сталин думает в Кремле,
Чтоб ты вырос всех счастливей,
Всех умнее, всех красивей,
Всех отважней на земле.

С детской голубой поры
Получаешь ты дары —
Их страна несёт с любовью,
В час, когда дрожит звезда —
Мысли дар и дар здоровья,
Дар в беду не хмурить брови,
Золотого счастья дар.

Пред тобою мир широк
И просторы всех дорог.
Хор весенний соловьиный
Для тебя в садах поёт.
Все цветущие долины,
Все заводы-исполины,
Руды, золото, рубины —
Это, милый, всё твоё.
Проживёшь свой век счастливо,
Черноглазый и красивый,
Славный, завтрашний батыр.

Мы росли совсем не так.
Нас держали, как собак.
И когда под солнцем мая

Пионерский шёлк флажка
Алым маком мне кивает,
То дрожит слеза скупая
На глазах у старика.

Вырастай, джигитом будь,
Пред тобою светлый путь.
В возрождённом Казахстане
Зашагаешь прямиком:
Пионером резвым станешь,
Комсомольцем смелым станешь.
Вырастешь большевиком.

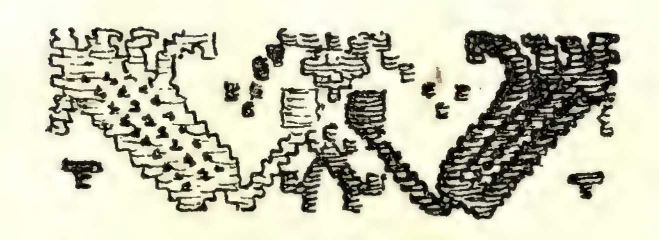
Андрис Веян

За то,
Что, сбросив беды с батрака,
Меня ты крепко на ноги поставил,
За то, что землю дал мне на века,—
Благодарю тебя, товарищ Сталин!

За то,
Что, нас сплотивши навсегда,
Ведёшь крестьян ты в солнечные дали,
За радость коллективного труда —
Благодарю тебя я, мудрый Сталин!

За то,
Что сыновей моих шоссе
Уводит в школу счастья от окраин,
За коммунизма негасимый свет —
Благодарю тебя, любимый Сталин!

Перевёл с латышского В. Журавлёв

Е. Трутнева

Точно солнце, Сталинская слава,—
Целый мир её лучом согрет!
Эта слава в нивах величавых
На знамёнах воинских побед.
Эта слава в городах и сёлах
Нашей мирной, трудовой страны.
Эта слава в светлых ваших школах,—
Вы её лучом озарены!
Ты скользишь по строчкам книги взглядом...
Класс притих... товарищи вокруг...
И стоит незримо Сталин рядом,—
Твой учитель, твой великий друг!

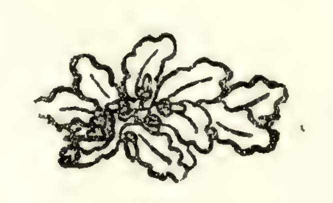

Евгений Великанов

С тех пор прошло четыре года,
Но память держит, как вчера:
Вернувшись в горы из похода,
Разговорились мастера,—
Чем отличиться хочет каждый
В дорогах мирного труда,
С единой творческою жаждой,
Неутолимой никогда.
Средь сталеваров и шахтёров,
Прославивших родной Урал,
Однополчанин был, который
До фронта камни оживлял.
Его шкатулки, вазы, чаши
Число умножили чудес.
Работу сделать прежней краше
Друзьям дал слово камнерез.
Сверкнул, как юноша, глазами,
Светлел задумчивым лицом,
Сказав: «Хочу победы знамя
Запечатлеть своим резцом.
Воспеть им солнце над Отчизной,
Что разогнало ночи тьму.
Оно — источник нашей жизни:
Мы всем обязаны ему.
Хочу искусно, совершенней
Резцом с любовью передать
Черты героя всех сражений —
Самозабвенного труда».

И чтоб задуманное мастер
Смог воплотить прекрасней в жизнь,
К его труду с теплом участья
Сыны Урала отнеслись.
И, не взирая на осколок,
С одышкой лез на кручи скал
Для камнереза друг-геолог,
Он лучший мрамор отыскал.
Сталеплавильщик камнерезу
Сталь первосортную сварил,
Чтобы, пройдя в токарной фрезы,
Его резец заговорил.
И, двинув верною рукою
В работу твёрдость этих фрез,
Не расставался с мастерскою
По целым суткам камнерез.
Свершил, что думал, вдохновеньем
Упорство камня одолев.
И лучше всех его творений
Удался этот барельеф —
С родными, близкими чертами
Того, кто наше солнце, знамя...

ЧТОБ СТАЛИН СКАЗАЛ: „ХОРОШО!“

Ефим Ружанский

Мы юные ленинцы. Значит,
За Сталиным смело идём,
Ведь лучший из ленинцев — Сталин!
Ему подражаем во всём.
Готовы отдать мы народу
Все знания, силы и жизнь,
Как он, кто добыл нам свободу
И путь указал в коммунизм.
Пески плодородными стали,
И лес над пустыней встаёт,
И лучший из ленинцев — Сталин
Нас к новым успехам ведёт.
Мы вырастем, станем трудиться —
Строители жизни большой.
Так будем же лучше учиться,
Чтоб Сталин сказал:
— Хорошо!

*

Золотоцветень горы

Рассказ старого горщика

П. Бажов *Рисунки А. Кудрина*

По нашим заводам исстари такой порядок вёлся, чтоб дети родительским ремеслом кормились. Так и в нашей семье было. Все мои старшие братья по отцовской дороге пошли, один я на отшибе оказался, стал свою долю в горе искать да и задержался на этом деле до старости.

Не больно гладко она началась да и потом косогором с ухабами шла. Теперь вот подшучиваю над своею старухой. Каждый месяц, как деньги ей передаю, непременно скажу:

— Получите, Анисья Петровна, на домашние расходы пенсию, какая по заслугам мужа назначена.

Она, понятно, берёт. Ни разу не отказалась и тоже с полным обхождением отвечает:

— Покорно благодарю, Сидор Васильич. Премного довольны.

А когда ещё ласковенько этак спросит:

— Табачку-то тебе купить, али ещё тот не искурил?

— Это,— отвечаю,— какое участие ваше.

Ну, старуха у меня непривычна долго-то с обхождением поступать, заершится:

— А такое участие, чтоб того проклятого табачищу вовсе не было. Всю избу прокоптил. До старости дожил, а ума не нажил!

Только мне эта воркотня вроде забавы, для домашнего развлечения. А ведь раньше не то было. Не одно, поди, ведро слёз моя жёнушка пролила, а попрёков да покоров в самый большой углевозный короб не вобьёшь. Не раз грозилась вовсе уйти от меня. Всё, видишь, образумить

да усовестить меня хотела, чтоб по-людски жил, работал бы на фабрике либо при каком другом заводском деле находился.

А сколь мы сладко с ней жили, по тому суди, что ни один из моих сыновей и зятьёв на моё ремесло не позарился.

Ну, всё-таки старуха от меня не ушла, а теперь и грозиться этим перестала. Пятерых ребят мы с ней вырастили и к делу приставили. Пенсию вот получаю. В двух местах по моему показу рудники есть. Один Талышмановский, а другой по моей фамилии произвели. Чуешь? Не зря, выходит, я с малых лет да и женатым столько му́ки от семейных своих принял. И тем могу похвалиться, что двое моих внучат по моей части пошли. Один ещё учится в институте, а другой уже три года как все курсы окончил. Инженер! Со всяким прибором обходиться умеет. Теперь за Благодатью разведки ведёт. Недавно приезжал домой, так сказывал, много чего они там нашли.

Известно, грамотные, с приборами идут и целой партией. В день узнают больше, чем мы за годы высмотрим в одиночку-то. И шли мы, почитай, вслепую. Одна надежда на глазок, на слушок да приметы разные. Стариковские сказы тоже не отвергали. От иного и польза бывала. Да вот лучше я сначала расскажу про всё это.

В малолетстве я пристрастился рыбёшку ловить. Рыболовной снасти в нашем доме не было, а удочку всяк смастерит. Я и занялся с удочкой в те годы, как в школу учиться бегал. Тятя этому не препятствовал. Всё-таки парнишка не баклуши бьёт, а за школу одобрял: «учись». Потом, как я три класса кончил и похвальный лист принёс, тятя этот лист на стенку повесил и другим показывал:

— Сидша наш, гляди-ко, отличился. Бумагу с золотыми каёмками ему выдали!

Как прошло с той поры ещё года два, родитель стал поварчивать на моё рыболовство.

— Пора к делу приучаться, а ты всё со своей удочкой балуешься!

Ну, мамонька меня заслонила:

— Что ты, отец, зря парня беспокоишь. Не сидим без рыбы-то. Вас вон трое на заводе, а получка какая? Кабы Сидша рыбу не носил, сплошь бы всухомятку хлеб жевали. А то приварок есть. Пускай ещё сколько порыбачит. На завод успеется.

Так и застояла меня себе на голову. Потом сколько её отец корил: «Лентяка вырастила». А мне тогда отсрочка вышла. С год ещё без покору рыболовил. Большенький стал. Кое-что понял. Жерлицы завёл, морды плести и ставить научился. Зимой тоже ловить навык. Рыба у нас всегда была. Случалось, какую рыбку побогаче, мать и продавала.

Раз летом забрался я по Полдневской дороге к Чусовой. Река там мелкая, с перекатами, а мне это и надо было, потому на таких перекатах хариус ловится. Постоял долгонько а толку мало. Вижу, идёт какой-то пожилой человек. Одет попросту, походка лёгкая. Высокий такой и на лицо приметный. Усы реденькие, подбородок тоже чуть волосками прострочен, а под подбородком густой клин седых волос. Брови тоже седые и как-то вразмёт пошли. Ровно вот две маленькие птички сидят и крылышки подняли. Одним словом, приметные. Раз увидишь, никогда не забудешь.

Идёт этот человек и говорит:

— Ты, парень, не ладно примостился. Тень-то твоя на воду падает, а хариус — рыбка осторожная. Увидит — отойдёт. Ты лучше на ту вон излучину ступай. Там тебе солнышко чуть не в лоб придётся, тень на кусты, да и кусты там поближе к берегу, а перекат такой же.

Сказал — и прошёл. Мне, по ребячьему, дело дивом показалось: ни о чём не спросил, а посоветовал, будто наперёд всё узнал. Всё-таки послушался этого совета, перешёл к перекату, про который он говорил, и живёхонько наловил хариусов полную корзинку. Еле до дому донёс, тяжело оказалось. Мамонька обрадовалась: «Самая то господская рыбка. Уважают такую. Побегу-ка, не купят ли».

И верно целковый ей за корзину дали. Перед отцом мамонька даже похвалилась моей удачей. Показала полученный рубль и говорит:

— Тебе за это два дня у печки жариться, а Сидша в один день столько получил.

Отец, конечно, своё говорит:

— Моя полтина надёжная, она на всяк день есть, а эти рубли, которые с водой плывут,— одна заманка для дураков.

После этой удачи повадился я ходить по Полдневской дороге на Чусовую. Хариус всегда на том месте ловился, только всё меньше и меньше. Раз опять подошёл ко мне этот человек. При ружье, в руке лопата, за поясом каёлка. Лёгонькая, для верхового бою. Подошёл, сел покурить. Я ему спасибо за хорошее место сказал, а он советует:

— Не надо на одном перекате ловить. Приметливая эта рыбка. Учует свою убыль, вовсе тут держаться не станет. Ты переходи с переката на перекат, не жалей ноги-то. Одно помни — к солнышку применяться надо, чтоб тень на воду не падала.

— Ты, видно, рыболов?— спрашиваю.

— Рыбачу, когда на ушку понадобится. Больше-то мне не к чему. Одиночкой живу, а летом редко и в избу захожу. В лесу больше.

— Охотничаешь?

— Какая охота с кайлой да лопатой. Ружьё это так, для провиянту. По нехоженым дорогам топчусь. Птица там спокойная. Когда и подстрелю на еду. Другое моё дело.

— Старатель, значит?— догадался я.

— Тоже не угадал. Старатель, он к своей дудке пришитый, а я, видишь, брожу да в землю гляжу.

— Что ищешь?

Он усмехнулся и говорит:

— Подожди. Не всё сразу. Чей хоть ты, любопытный такой?

Я сказал. Он опять спрашивает:

— Грамотный?

— Школу,— отвечаю,— с похвальным листом окончил.

Он поглядел этак раздумчиво и тоже сказался:

— Мало я ваших фабричных знаю. Старатели да охотники мне знакомее. Эти про Кирила Талышманова знают, только, поди, позаочь-то мало доброго говорят.

Сказал это — у меня, как говорится, глаза на лоб полезли. Он это видит и говорит с усмешкой:

— Слыхал, видно, про полдневского чертозная? Он самый и есть. Не испугался?

— Зачем,— говорю,— пугаться. Не маленький, поди-ка.

— Ладно, коли так, а теперь беги-ка на тот перекат да понадёргай хариусков. Господская рыбка, уважительная... Мать похвалит.

Я тут прямо спросил:

— Ты, дяденька, как узнал... Насчёт господской рыбки и что мать похвалила.

Он ласково так на меня уставился и говорит:

— Глазёнки-то у тебя худым ещё не замутились,— всё через них видно.

И вот, понимаешь, как пришил меня к себе этими словами. Так бы никуда бы от него не ушёл, а Кирило Федотыч, наоборот, подгоняет:

— Беги-ка, беги скорей. А то мало рыбы носить станешь, на другую работу тебя пошлют. Большенький ведь... Не увидимся тогда.

С той поры и началась перемена моей жизни. В то лето много раз видел я Кирила Федотыча. Показал он мне свои поисковые ямы. В избе тоже у него побывал. Там у него во всех углах груды руды да камней. Иные камешки в запертом сундуке хранились. Их тоже показал. Мне всё это любопытно показалось, а особенно ямы. Одна большая была. Тут у Кирила Федотыча под навислым камнем инструмент всякий был.

— Это, — объяснил Кирило Федотыч,— у меня яма едовая. Камешки

на продажу из неё выбираю. Хоть одиночкой живу, а на одежду да обувь надо, на дрова тоже. Зима-то ведь у нас, сам знаешь, долгая. Вот и сбываю из этой ямы камешки, а те у меня поисковые,— узнать только, нет ли там чего полезного человеку. У меня их много нарыто. Которые уж и сам не помню. По записи искать надо. Сказываю о своих находках заводскому начальству, да плохо оно слушает. Когда на золотишко набежишь, за это хватаются. Пустой народ. Об одном у них забота, как бы одночасьем разбогатеть.

— Кому,—спрашиваю,— камешки сдаёшь?

— На них,— отвечает,— в городе охотников много. Только я одному сдаю. Старичок один есть. Первейший мастер по огранке и с понятием. Он, видишь, всякие камни берёт и после огранки продаёт, а эти камешки у себя оставляет. Огранит — и в сохранное место. Они, говорит, золотоцветню горы родня, их нельзя на пустяковые подвески держать. Хризолитовая особь для большого дела пригодиться может.

— А какой золотоцветень горы?

— Когда-нибудь расскажу и об этом,— пообещал Кирило Федотыч.

Так вот рассказами да показами и приклеил он меня к своему поисковому делу, а когда я сказал дома, что хочу поступить в ученики к Кирилу Федотычу, тятя на меня закричал:

— Из головы выбрось эту дурость! Ты коренного фабричного роду и никуда в другое место не пойдёшь. Твой-то Кирило, сказывают, умом повихнулся, а ты к нему в ученики захотел! Чтоб я этого больше не слышал! Завтра же сведу на завод.

А я упёрся: «Не пойду!» Тятя меня с крутого плеча и давай ремнём потчевать. Я как-то вырвался и убежал из дому. Мамонька, понятно, растревожилась. Свара в доме пошла. Кончилось тем, что Кирило Федотыч сам пришёл и уговорил как-то отца. Тятя только этак сердито поглядел на меня и укорил мамоньку:

— Любуйся, какого самовольного балука вырастила.

А мне сказал:

— Смотри, Сидко, на меня потом не пеняй, что во-время не образумил.

С таким родительским наказом я и стал выучеником по поисковому делу.

Кирило Федотыч маленько грамотный был. Книжки у него были. Особо он дорожил одной.

— Это,— говорит,— старинного академика Севергина сочинение. Тут всё о камнях и земле, о горючих и металлических веществах по правде сказано.

За этой книгой он частенько подолгу сидел, только иной раз жаловался — непонятное есть и нерусскими буквами иные слова напечатаны. По этой же книге он вёл испытание руды и земель.

Учил меня Кирило Федотыч не по книге, а на деле. Собирается где поиски делать, сейчас же расскажет, по каким признакам и приметам он это место выбрал, что думает тут увидеть в первом пласту, во втором, откуда он разглядел эти пласты, пока ямы нет. Когда работу ведём, тоже по порядку рассказывает. За таким, дескать, камешком должны встретиться другие, а за этими — третьи. Первые — следок, вторые — поводок, а третьи — те самые, которые искать задумали.

Летом мы с Кирилом Федотычем по всей заводской даче бродили. Раз как-то сидим на самой вершине горы. Кругом на многие вёрсты видно. Кирило Федотыч тут и рассказал мне о золотоцветне горы.

— В иных местах горы под облака ушли, снег на верхушке и летом

не тает. Сразу видишь, где вершина, где скат, где подошва. А в нашем краю, видишь, горы мелконькие и все лесом заросли. Те, что покрупнее, хоть имена имеют. Азов вон, Волчиха, в той вон стороне Таганай, а там Благодать, дальше Качканар и другие. Иные опять по выработкам. Хрустальная, Карандашный увал, Тальков камень. Остальные, если путём разобрать, без имени ходят. Чтоб не путаться в дорожках, и эти горки, понятно, называют, только вовсе простенько. Растёт сосна — горка Сосновая, по берёзе — Берёзовая, по осине — Осиновая, Липовая там, Ельничная, Пихтари, Кедровая, Лиственничная. По подъёму тоже различают: Пологая, Крутая, Остренькая. Перейди в другую заводскую дачу, там тоже Сосновые да Ельничные, Пологие да Остренькие. Одна путанка, а не имена. Когда надо запись о находке сделать, примечаю по речке, либо, того лучше, по номерному знаку лесного участка. А все эти горки скопом зовут одним словом — гора.

— Оно и правильно, потому как по нашим местам гора может оказаться там, где её вовсе не ждут. Поселились, к примеру, на ровном будто месте, жили не один десяток годов, а копнул кто-то поглубже в своём огороде, оказалась руда. Первый сорт, мартит! Чуть не цельное железо. Стали добывать и видят,— жила не в ту сторону идёт, где ближний железный рудник. От другой, значит, горы эта жила. Не по один год из этих огородов по двум улицам мартитовую руду добывали да в завод сдавали, а так и не разобрались, откуда жила пришла. Да что говорить! На что низкое место — болото, а и под ним гора может оказаться. Сколько раз по таким местам мне самому приходилось дорогие камешки добывать. Не от болотной же няши они зародились.

— Это я к тому разговоры веду, что вот все эти вершинки, которые видишь, они вроде вешек, а гора сплошной грядой прошла. Недаром её раньше Поясом земли звали. Пояс и есть. Вишь какой! В длину тысячами вёрст считают, а сколь он широк и насколько в землю врезался, этого никто толком не знает.

— В поясах по старине, известно, казну держали. От того, может, и нашей горе прозванье досталось. Только, понятно, в таком поясе богатства не счесть.

— По этому Поясу земли, говорят, широкая лента украшенья прошла из дорогих камней. Всякие есть, а больше сзелена да ссиня. Изумруды, александриты, аквамарины, аметисты. А по самой серёдке этой хребтины двойной ряд хризолитов. Видал этот камешек? Помнишь? Он и зелёный и золотистый. Весёлый камешек. В сырце и то любо подержать такой на руке. Так весной да солнышком от него и отдаёт. Мы эти камешки золотоцветняками зовём.

— Только эти камешки мелконькие, а есть большой. Этот зовут золотоцветнем горы. Такого ещё мир не видывал. Перед ним все камни, какие из земли добыты, не дороже песку, а то и золы.

— Сила этого камня не в том, что за него много денег дадут. Ни у кого и денег нехватит, чтоб его купить. Перед тем человеком, который усмотрит этот камень, Пояс земли раскроется.

— Такой камень, понятно, гора крепко держит. Не одну, поди, сотню лет которые понимающие этот камень подсматривали,— а ничем-ничего. Даже следочков к нему не нашли. И то сказать,— в одиночку бьются. Много ли один в такой горе за всю жизнь увидит. Заводское начальство со счёту сбрось. Эти слепороды дальше своего носа не видят. О том, чтобы раскрыть Пояс земли, у них и думушки не бывало. Иноземельные больше про наше богатство пронюхали, подсылают своих, а то и здешних нанимают, у кого стыда нет. Вот хоть северский управитель. На заводской будто службе, а сам каким-то американцам поиск ведёт.

— Ну, этим, ясное дело, золотоцветень горы не даётся, потому орудуют воровски и жадностью пропитаны насквозь. Чуть что попадётся, сейчас же рвать начнут, не до поисков им.

— Нет, друг, тут другой глаз требуется. Мало того, что он должен быть зоркий, надо ещё, чтоб он никакой корыстью не замутился,— не для себя выискивал, а для всего народа.

Рассказал это Кирило Федотыч и добавил:

— Может, и тебе не удастся увидеть, либо хоть дожить до той поры, когда золотоцветень горы увидят. В одном не сомневайся — наша гора богатствами полна. Старые разработки вовсе пустяк, вроде свинороины на лугу. Пройдёт малое время, и места не заметишь. Горы эти ещё послужат народу, да и как послужат!

Этот сказ своего учителя по поисковому делу я запомнил на всю жизнь. Сперва, по молодому умишку, сам поглядывал, не откроется ли мне золотоцветень горы. Потом, как в лета вошёл, уразумел, что не про таких сложено. Поиски, видишь, вёл не безрасчётно, чтоб заработать для себя и для семьи, а когда и вовсе добывал в ямах старательскую долю. И всё-таки этот сказ мне надежду подавал, что не всегда так будет. Тогда, видишь, сильно заговорили, что скудеет наша гора, что скоро тут и добывать нечего будет.

Может, это нарочно плели, чтоб цену на заводы сбить. Тогда, годов так за десять до революции, многие здешние заводы от старых владельцев стали переходить к каким-то обществам, а правители, как на подбор, оказались чужестранные. Видишь это, и неспокойно станет, а вспомнишь сказ,— повеселеешь.

В этакую весёлую минутку ко мне как-то и подъехал северский управитель.

— Покажи, Климин, места какие у тебя на примете, я тебе хорошо заплачу.

Я ему, конечно:

— В другую контору заявки даю.

— Это,— говорит,— всё едино.

— Кому, — отвечаю,— как, а я на сторону продавать не согласен.

Про мошенство этого управителя я слыхал, и так мне неохота стало заявку сдавать, что не пошёл в контору. В свою-то. Думаю,— вытащит ведь. Так мои разведки впусте и лежали не по один год. Тут война подошла. Пришлось мне там три года пробыть, потом столько же на гражданской, а как пришёл домой, там вовсе другая контора. Чермету о своих находках и заявил. Утешно мне это, только всё-таки это дело маленькое, а главное в другом.

Дождался-таки я, что старый поисковый сказ сбылся.

Сталинский зоркий, заботливый глаз усмотрел среди наших лесов, увалов да старых разработок золотоцветень горы и указал за него взяться.

И великий Пояс земли раскрылся и показал свои бессчётные богатства на радость трудовому народу, на зависть его врагам.

Всем видно, что наша старая гора теперь живёт новой жизнью. Бессчётными огнями новых рудников, шахт и заводов в день семидесятилетия Великого Вождя всех трудящихся горит и переливается золотоцветень нового, Сталинского Урала.

Генеральное сражение

О. Коряков

Рисунки Е. Гилёвой

Во всём, что произошло в тот день на Николиной горе, немножко виноват я.

Николина гора — это дачный посёлок на берегу Москвы-реки.

Ровные, как стадион, поля, чистенькие берёзовые перелески, гладкий асфальт шоссе и вдруг — крутым обрывом падающая к воде гора, густо поросшая сосной, елью, черёмухой, липой и дубом. Буйные, как в южноуральских лесах, травы скрывают крутые тропки, и за сплетением деревьев и кустарника не сразу увидишь дачи, раскиданные в зелёных зарослях.

Было утро, но июньское солнце не особенно считается со временем. Несмотря на ранний час, оно палило больше чем добросовестно. Я только что приехал сюда, и мне очень хотелось выкупаться.

Тут я предпринял то, что в дальнейшем привело к чрезвычайным событиям. Я позвал с собой Славку, сына хозяйки дома.

Славка задумчиво почесал свой стриженый затылок, вскинул голову, прищурил на меня сначала левый глаз, потом правый,— они были у него серые, с рыжевато-зелёной искоркой,— поддёрнул трусы и, не говоря ни слова, поскакал к обрыву, будто собирался, разбежавшись, бултыхнуться в воду прямо с кручи.

Мы переплыли с ним на другую сторону реки,— она была здесь неширокая,— и улеглись на берегу, нежась в мягком горячем песке.

— Ничего себе, тёпленький,— сказал Славка, делая на своём животе горку из песка.— Вот: почему старые любят, чтобы тепло было, а мне так всё равно. Мне ещё девять лет. Даже ещё не девять, а пятого июля будет. У нас в группе всем по девять, и все перешли в третий класс. Хорошо, да? Учительница говорит, что так и надо. Ясно, что надо. Зачем же тогда учиться, если не переходить?

Тут Славка немного помолчал.

— Меня ребята, знаете, как зовут? «Вратарь Хомич». Это потому, что я у нас вратарь. Только играем мы в футбол по вечерам, а днём мы воюем — на мечах и шишками. Воевать тут хорошо! Да? Только у них в армии пятеро, а у нас трое. У них командир Витя Балтик. Он большой, ему тринадцать лет. Балтик — это потому, что он хочет стать моряком. А у нас командир — Коля Иорданский. Знаете, такой профессор был. Он умер, а Коля его сын. Но Коля будет не профессором, он будет ботаником... Нас, значит, трое. Ещё Валька, Колин брат. Только он совсем маленький — семь лет. А Коле двенадцать.

— Ты, наверное любишь арифметику? — спросил я.

— Арифметику? Люблю. Я все предметы люблю. А вы почему подумали?.. Ну, так что же, это очень важно — сколько лет. Вот, например, нам всем троим двадцать восемь, а им пятерым — сорок восемь. Большая разница? На двадцать. А мы всё равно побеждаем. Потому что они действий не делают, а мы делаем. Наш Коля такую особую тактику придумал. Вам это интересно?.. А то некоторым взрослым неинтересно. Коля говорит, что они просто не понимают. Вот у Вити Балтика бабушка есть, она на той неделе с Урала приехала. И, как приехала, всё ворчит, что мы разбойники. Это она ругается так. Не понимает, что никакие мы не разбойники.

А тактика у нас такая. Коля сказал, что раз нас мало, то мы должны брать хитростью. Они действий не делают, а мы будем делать. Мы воюем так. У нас у всех мечи. Настоящие, только деревянные, сами сделали. На мечах мы в рукопашную дерёмся, а стреляем шишками. И Коля придумал так. Мы на них будто нападаем, а сами отступаем, бежим. Они — за нами. Мы — к засаде. У нас там целая куча шишек. В ямках. Девятьсот восемьдесят семь штук... Я сосчитал — девятьсот восемьдесят семь. Это — НЗ[1]. А так — ещё есть... Как они погонятся за нами, подбегут к засаде,— мы давай пушить. А им отбиваться нечем, и мы побеждаем.

Сегодня у нас генеральное сражение. Кто победит, тот всегда будет выбирать на футбольной площадке сторону, какую хочет. Ясно, что мы...

Тут Славка неожиданно смолк, уставив взгляд в противоположный берег.

— Ой-е-ей,— озадаченно и тихо пробормотал он.— Подслушали!.. Во-он за кустом, видите?.. Да вон же, за тем, который сбоку... Ну, бу-

[1] НЗ — неприкосновенный запас.

дет мне нагоняй! Всю тактику разболтал. Придётся теперь доложить командиру, да?.. Вот, я тоже так думаю. Тогда давайте скорей обратно.

Пришлось нам срочно плыть обратно. Когда мы, поднимаясь в гору, проходили мимо прибрежных кустов, из них высунулась светловолосая вихрастая голова, и вражеский разведчик скороговоркой, тоненьким голоском проговорил ехидно:

— Коля сказал, что надо хитростью, они действий не делают, а мы отступаем, а потом из засады шишками... Я-ясненько!

Славка высокомерно вскинул голову и даже глазом не повёл, будто всё это совершенно его не касалось. Только когда мы отошли на изрядное расстояние, он сказал мне с явной укоризной:

— Вот. Видали?..

Через полчаса под верандой дачи собрался военный совет. Все трое были в боевой форме: у каждого сбоку висел меч.

Коля, высокий худощавый паренёк с весёлыми и быстрыми карими глазами, сказал речь:

— Вот вам и генеральное сражение. Теперь как побеждать будем? И всё из-за Хомича. А ещё помощник командира! Выболтал военную тайну. За это знаешь что бывает? По правилам мы тебя должны расстрелять, но раз сегодня генеральное сражение, мы тебя расстреливать не будем. Мы тебе просто объявляем выговор. Понятно? Кто — за?..

— А мне тоже надо голосовать?— спросил Славка.

— Ясно, надо. Ты же права голоса не лишён.

— А против голосовать можно?

— Можешь. Только всё равно зря. Нас большинство, и значит ты против большинства... Ну, я голосую. Кто — за? Единогласно... Теперь давайте придумывать, что делать... Ты, Славка, как думаешь?

Помощник командира, ещё надувшийся и красный, угрюмо пробормотал:

— Засаду в другое место надо...

— А ты, Валька?

Валька, как и брат, чёрненький и кареглазый, но толстый, принял решение моментально:

— Я — как он.

— Ну и неправильно! Они же теперь всё равно всю нашу тактику знают. К засаде они не побегут. Нам надо сшить такие мешочки, как патронтажи, только большие, чтобы все шишки таскать с собой. Верно? Как вы думаете?

— Верно,— сказал Валька.

— А я, ребята, знаю! — Славка хитро прищурил глаза.

Но сообщить друзьям, что такое он знает, Славка не успел: из-за кустов с криками вылетела «армия» Вити Балтика.

Впереди мчался сам командующий. Это был широкоплечий рыжий паренёк. Размахивая мечом, он кричал: «ура, матросы!», и остальные, бежавшие за ним, подхватили «ура-а!» и тоже размахивали мечами.

— За мной! — крикнул Коля и, выскочив из-под веранды, понёсся в лес.

— Отсекай! Наперерез! — заорал Витя и, круто повернувшись, тоже помчался в лес.— Заходи слева, покажем им засаду!..

Минуты на две всё около дачи стихло. Лишь в густых зелёных зарослях раздавались беспорядочные крики. Понять, что там происходит, было трудно. Видимо, продолжалась погоня.

Неожиданно на краю обрыва показалась голова, потом рука с мечом, потом вторая,— и на площадку выбрался Коля. Вскочив на ноги, он повернулся к обрыву и начал биться с кем-то, карабкавшимся снизу. Вдруг на него сзади налетел паренёк из отряда Балтика. Коля повернулся и наотмашь, изо всей силы рубанул ребром меча по оружию противника. Меч паренька отлетел в сторону.

— Р-раз! — Коля пырнул мальчугана остриём в грудь, тот побежал, но получил укол в спину: — Два!

Убитым в бою считался тот, кому нанесено два удара.

В это время снизу вскарабкался Витя. Коля оглянулся на него и побежал.

— Не уйдёшь! — закричал Балтик и помчался вслед широкими стремительными прыжками.

Когда он уже настиг Колю, тот вдруг резко остановился и смаху бросился ему под ноги. Витя перевернулся, вскочил,— и они встали лицом друг к другу.

— Ну! — с угрозой сказал Балтик.

— Ну! — задорно принял вызов Коля.

И оба бросились вперёд. Долго ни один из них не мог нанести удара другому. Балтик дрался неистово. Неуловимый и яростный, прыгал он перед Колей, и его меч мелькал с быстротой стрижа, играющего в воздухе. Коля горячился меньше, колол спокойнее и реже, но зато отбивал удары уверенно и точно.

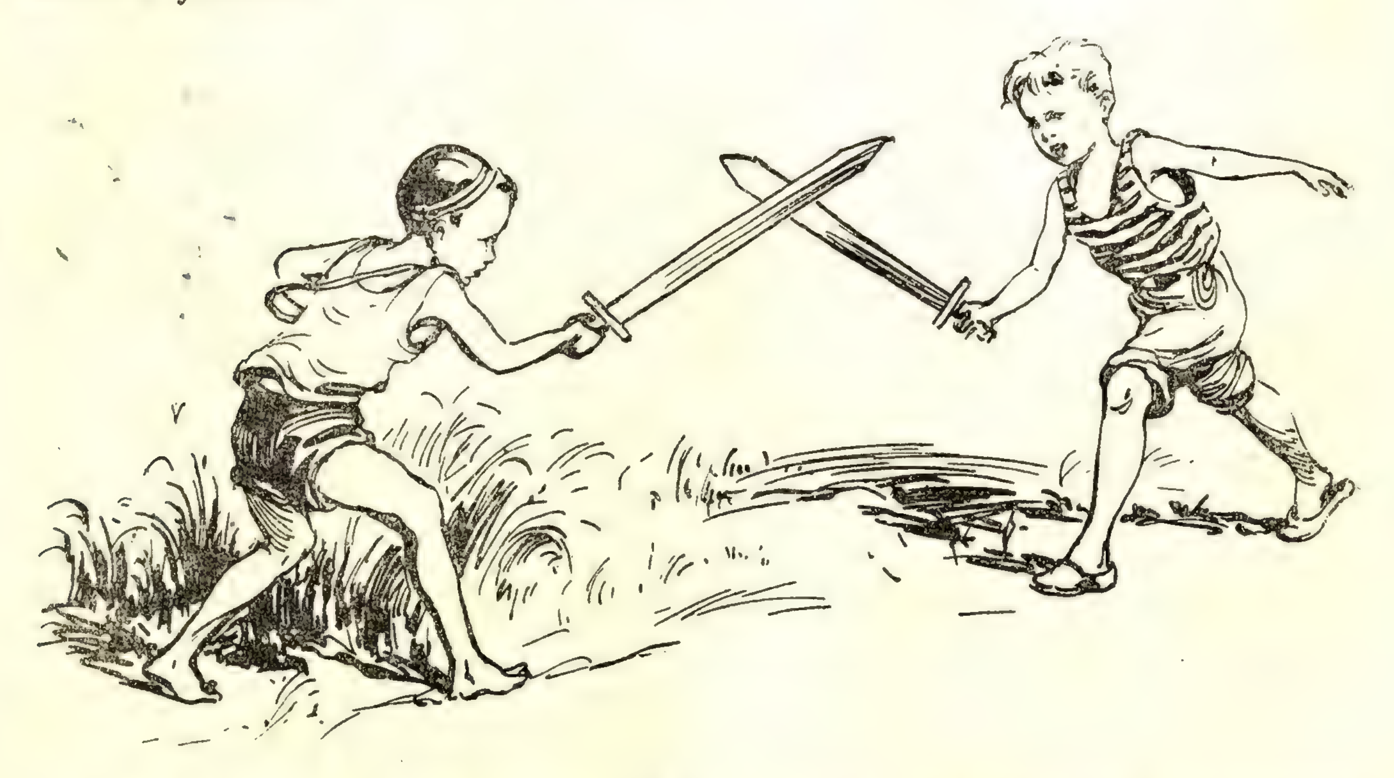
Вдруг Балтик высоко подпрыгнул и сделал мечом движение, словно собираясь ударить противника сверху. Рука Коли невольно дёрнулась вверх, для защиты, а Витя в этот миг, упав на одно колено, резко выбросил меч вперёд и ткнул противника в живот.

— Есть! — закричал он.

— Есть!— подтвердил Коля.— Ну, теперь, Балтик, держись!

— Держусь, держусь! — И Витя с новым ожесточением бросился в атаку.

Сухие короткие удары мечей слились в непрерывный треск. Казалось, скрестились не два, а несколько клинков. Коля стал наносить удары энергичнее, быстрее. Его тонкие чёрные брови сдвинулись над поблескивающими глазами. Частые крепкие зубы оскалились в напряжённой улыбке.

Оба вспотели. Коля внимательно следил за каждым движением противника и, словно выматывая его силы, медленно, осторожно отступал, уверенно отбивая удары. Веснушки на лице Вити из жёлтых сделались коричневыми. Внезапно он, вытянув как можно дальше руку, кинулся вперёд, но Коля наклонился, и меч проскользнул в двух сантиметрах от его плеча. В следующее мгновение остриё ударило в грудь Балтика...

Некоторое время они стояли молча, тяжело дыша и не двигаясь.

— Ну, что?— сказал Коля.

— Сейчас узнаешь! — крикнул Балтик и прыгнул вперёд.

Ещё один удар. Он решит бой и, видимо, всё сражение.

Они дрались, напрягая силы, тяжело переводя дыхание. Вдруг раздался громкий сухой треск, и что-то отлетело далеко в сторону. Это был знаменитый Колин удар ребром. Меч Балтика сломался.

— Сдавайся! — закричал Коля.

— Наши не сдаются! —задыхаясь от обиды и усталости, пробормотал Витя, отбивая укол обломком меча; он тут же отскочил, рванулся и побежал.

Коля пустился за ним.

Витя мчался к ограде своей дачи. Узорный решетчатый забор был невысоким. Поднатужившись, можно было его перепрыгнуть. Но Витя не рассчитал прыжка и... трах! — подгнившие столбики качнулись, сломался верхний брус, и длинное звено ограды рухнуло на землю, а рядом растянулся Витя. Он вскочил злой, не замечая боли, шагнул навстречу подбежавшему Коле:

— Бей! — и по-матросски выпятил грудь.

Но у Коли пропал боевой пыл. Он смотрел под ноги, на упавшее звено забора, потом взглянул в глаза Балтика и тихо сказал:

— А тебе попадёт...

Витя ссутулился и опустил голову.

— Ага,— сказал он.— Как она из города вернётся — бабушка,— попадёт. И потом со двора не пустит... Ну, что ж ты — бей!

— Она, что ли, в городе?

— А что?

— А давай починим!

— Сами?!

— Ясно, сами. Ведь нас восемь человек. У меня дома столярная пила есть. Давай!

Витя потёр ушибленное колено, посмотрел на меч в руках Коли, взглянул на обломок своего, откинул его в сторону и улыбнулся.

— А ты здорово дрался,— сказал он.

Из кустарника в это время выскочил тот курносый вихрастый паренёк, что подслушал разговор на реке. За ним гнался Славка, а за Славкой — ещё один из команды Балтика.

— Стой! — закричал Витя.— Стой, говорю! Перемирие.

Ребята двинулись к своим «командующим». Откуда-то из-за угла дачи вывернулся Валька.

— А если перемирие, так это не в счёт, что я два раза заколотый?— осведомился он.

— Ребята, мы с Балтиком ограду сломали,— сказал Коля.— Давайте починим. А то ему попадёт. Бабушка у него, знаете, какая...

Весь день они провозились с забором. Починили брус, потом вкапывали новые столбики. Потом столбики красили. Покрасили, и было видно, что они новые: свежая краска выглядела очень яркой и чистой. Тогда решили покрасить весь забор. Вот и провозились до вечера.

Славка работал очень усердно. Когда дело подходило уже к концу, он сказал Коле:

— Командир, сражение всё равно кончилось. Сделаем, чтобы у меня выговора не было, а?

— Сражение не кончилось.—Коля провёл кистью по доске и откинулся назад, любуясь чистотой и ровной голубизной.— Хорошо, правда? Вот здесь ещё надо.— И он мазнул ещё.— А потом у тебя выговор не за сражение, а за военную тайну.

— Ну и неправильно!— горячо возразил Славка, собираясь, видимо, произнести длинную речь, но в это время по двору пронёсся шопот:

— Бабушка... идёт...

Бабушка вошла во двор, аккуратно притворив за собой калитку, и сразу поняла, что здесь что-то произошло. Она поспешно достала из большой сумки очки и водрузила их на нос. Осмотревшись, старушка зачем-то пожевала губами, опустила очки на кончик носа и, глядя поверх их, наклоняя при этом голову набок, позвала, растягивая слова:

— Ви-тя, поди сюда!

— Вот оно когда настоящее-то сражение будет,— шепнул Коля Славке.

Витя пригладил свою шевелюру, одёрнул майку и оглянулся на ребят:

— Айда все вместе...

И вот обе армии дружно явились к старушке. Она была сухая и маленькая, Витя рядом с ней казался чуть ли не великаном.

— Это почему?— строго спросила бабушка, и было понятно, что она говорит о заборе.

— Потому что он сломался,— ответил Витя.

— Разве?— спросила старушка и снова подняла очки к глазам. Она опять внимательно осмотрела забор, снова опустила очки и сердито взглянула из-под седых бровей на внука.— Он целый.

— Так это он сейчас целый, а был сломанный.

И ребята рассказали Витиной бабушке, что случилось и как они работали.

Тогда старушка решительным шагом двинулась к ограде. Она потыкала пальцем в доски, понюхала краску и, ни слова не говоря, направилась к даче.

Ребята в недоумении переглянулись и уставились на Витю, ожидая, что скажет по этому поводу он. А Витя молчал и смотрел на товарищей виновато, будто говоря: «ну что же я поделаю. Вот сейчас снова разбойниками назовёт, а разве мы разбойники?»

Через минуту бабушка показалась на крыльце.

— Ра-азбойники,— закричала она,— подите сюда!

Подталкивая друг друга и прячась за спины товарищей, «бойцы двух доблестных армий» с неохотой двинулись на зов старушки.

— Тебя как зовут?— спросила она, указывая своим маленьким сухоньким пальцем на Славку, который оказался впереди товарищей.

Тот скосил глаза в сторону, выбирая, куда лучше улизнуть, чуть отодвинулся и сказал, что его зовут Славой Галкиным.

— Вот, Слава Галкин,— сказала старушка и протянула ему какой-то кулёк.— Раздели всем поровну. А завтра опять приходите к нам. Завтра Вите крокет привезут,— и, повернувшись, она ушла в дом.

Все переглянулись, удивлённые и обрадованные.

В кульке были конфеты.

— Идём, ребята, на футбольную площадку! — сказал Витя.

— И бабушку позовём! Пусть посмотрит...

*

Борис Раевский | *Рисунки Е. Гилёвой*

В албанской деревушке,
Где ветхие избушки
Цепочкой прямо в небо
Взбегают по горе,
Вблизи вершины горной
Построен дом просторный,
И этот дом подарен
Албанской детворе.
Внизу под школой новой
Темнеет лес дубовый,
Оливковые рощи
И пастбища лежат,
И прямо в поднебесье
Несутся смех и песни
Албанских смуглолицых
Выносливых ребят.
Видали раньше скалы
Ребячьих слёз немало,
Но не слыхали песен
Весёлых
Никогда:

Голодные ребята
От зорьки до заката
Пасли и в зной и в холод
Помещичьи стада.
А нынче в школе горной,
Весёлой и просторной,
К доске выходит мальчик,
На карте ищет он
Вдали в горах, за морем,
Чудесный город Гори,
Где лучший друг албанцев,
Где Сталин был рождён.

Пятёрка

Отличный день сегодня,
Весёлый, голубой!
Дымок прозрачный поднят
Над каждою трубой.
И солнце ярко светит
В честь радостного дня:
Как будто всё на свете
Приветствует меня!
С отличною отметкой
Из школы я иду,
Мне ёлка машет веткой
Приветливо в саду,
И старый дуб на горке
Кивает головой:
Наверное, «пятёрке»
Он тоже рад со мной!
И мне из стаи птичьей
Кричит один птенец:
— Чивик-чирик! Отлично!
Отлично! Молодец!
Ворчливая соседка
И та глядит добрей,
Как будто я отметкой
Доставил радость ей.
Всё нынче необычно,
Везде веселье, смех...
Видать, моё «отлично»
Обрадовало всех!

ФЛАГ СВОБОДЫ

Легенда

Ю. Хазанович ***Рисунки А. Бурака***

Со стариком я познакомился в бухте, где он рыбачил, и сразу угадал в нём моряка. Он был коренаст и кряжист, грудь его была могуче просторна, из-под ветхого пиджака виднелась тельняшка, на которой синие полосы выцвели, а белые потемнели. Походка у него была сильная, напористая, казалось, он всё время идёт против ветра.

Мы познакомились. Звали его Гордей Васильевич Сокол. Он, действительно, был моряком, плавал когда-то на «Потёмкине», потом на «торговцах»— на торговых судах,— но по старости давно «пристал к берегу».

Сыновья Гордея тоже пошли по «морской линии»: младший служил на Балтике, прошлым летом приезжал в отпуск, а старший принял смерть на море в первый год Отечественной войны.

Гордей овдовел давно и жил один в своём домишке у самой пристани. Но в ту осень, когда всё кругом горело, когда, казалось, горела даже земля,— осенью сорок первого года,— дом сгорел, только чудом уцелела маленькая тесная боковушка. В этой боковушке он и живёт сейчас, работает в порту, и в свободное время рыбачит, не ради заработка, конечно, а так, для удовольствия.

Гордей показал мне на большой гладкий камень, а сам уселся прямо на песке, возле корзинки, полной чёрных головастых бычков, от которых пахло морской глубиной. Он снял картуз с облупившимся лаки-

рованным козырьком, пригладил седые жёсткие волосы, потом достал из кармана кожаный кисет и аккуратно сложенный газетный лист, потёртый на сгибах.

Закурив и откашлявшись, Гордей спросил, откуда я, что занесло меня сюда. Я объяснил, зачем приехал в эти края, но, взглянув на старика, понял, что он не слушает меня. Обняв свои костлявые колени, он смотрел в море, щуря светлые, чуть насмешливые глаза под мохнатыми седыми бровями.

Море лежало в огромной каменной чаше с острыми, выщербленными краями. С трёх сторон над ним возвышались тёмные горы, а с четвёртой стороны не было гор, будто разбилась чаша, и море выплеснулось, ушло и далеко-далеко слилось с небом.

Солнце спускалось за горы. Вдали, где море стало тёмносиним, на воде появилась алая трепещущая полоса.

— Как светит! — тихо сказал Гордей.

— Что светит?— спросил я.

— Разве ты не видишь?

Я снова посмотрел на море, но не увидел там ничего, кроме огненной полосы заката.

— Светит, светит...— задумчиво покачал головою старик.

Он взглянул на меня, и в его прищуренных глазах мелькнула умная и немного лукавая улыбка человека, который знает то, чего не знают многие.

— Это флаг потёмкинский...— прошептал Гордей, наклоняясь ко мне и показывая рукой на море.— Чудное дело: его уж там нету, а море всё ещё светится...

Старик неторопливо затянулся несколько раз подряд и заговорил. Он говорил о первой революции, о Черноморье, о мятежном броненосце «Потёмкин», который никогда не забудут советские люди...

— По всей как есть русской земле шла революция,— рассказывал Гордей.— Рабочий народ взял оружие и выступил против царя. Мужички палили барские усадьбы, делили между собою землю. В первый раз народ наш увидел, какая она из себя, свобода, почуял её лёгкий и свежий дух.

Пришла буря и сюда, на Черноморье. На нашем корабле, на «Потёмкине», матросы расправились с офицерьём и подняли красный флаг. Красный флаг... Ты, брат, только из книжек знаешь про это время. А мы, старики, пережили его и на весь век запомнили... У нас, конечно, много таких людей, которые с пелёнок привыкли, что флаг должен быть только красный. Другого они не видали, и, понятно, не будет

у них другого. А для нас это не просто красный цвет. Для нас это цвет той самой крови, которой заплатил народ за свою волю.

Много всяких флагов перевидело Чёрное море. Но такой флаг никогда ещё не красовался над его просторами. Да что там Чёрное море! Ни над одним из морей в целом мире до того дня не поднимался красный флаг!

Грозный наш броненосец маячил в море, нагонял страх на всех врагов революции. Царь приказывал: усмирить «бунтаря». Посылал военные корабли, чтоб задушили восстание на броненосце, чтоб сорвали с его мачты флаг свободы. А матросы военных кораблей не стали стрелять в своих товарищей.

Тогда царь приказал: не давать «бунтарю» ни угля, ни провизии!

Так вот и бродил «Потёмкин» дни и ночи, один во всём море.

А что дальше было, известно всем. Про это Владимир Ильич говорил и в истории записано. Рабочие выступили сами по себе, моряки сами по себе, а объединения настоящего, такого, как скажем, в семнадцатом, ещё не было...

По всем черноморским портам шныряли миноносцы. Царь приказал не впускать в порты наш броненосец, при встрече топить его минами.

А на броненосце кончались запасы угля, продовольствия, пресной воды. Что делать? Сдаваться? Нет. Потёмкинцы решили не склонять свои головы. Решили они уходить к румынским берегам, подальше от царской власти. И ещё порешили они схоронить свой флаг, чтобы никто не смог над ним надругаться.

Когда «Потёмкин» вышел в открытое море, вся команда — восемьсот человек — собралась на верхней палубе. Спустили флаг, привязали к нему обломок колосника. Восемьсот матросов скинули бескозырки и дышать перестали. Тихо было на палубе. Очень тихо. Кто-то не выдержал, ударился в слёзы. А один молодой матросик как замашет руками, как заголосит:

— Не надо, браточки! Не надо!..— и кинулся к флагу, людей расталкивает и всё кричит.

А флаг полыхнул над головами и пропал за бортом. Но не сразу затонул. Вольно расплескался он на воде, потемнел и начал свёртываться. Долго свёртывался, боролся с волнами, играл на солнце, потом медленно пошёл ко дну, как сгусток крови. А вода была ясная, как слеза.

С той поры и хранился на черноморском дне флаг «Потёмкина». От него-то и шёл этот живой свет...

Гордей вздохнул, пососал угасшую цыгарку и бросил её в море; мне показалось, что под мохнатыми бровями старика влажно блеснули глаза.

— Но вы сказали, что флага там уже нет,— несмело заметил я.

На тёмном от загара лице Гордея опять промелькнула знакомая мне умная и немного лукавая улыбка.

— Верно, нету его там,— ответил старик.— Вынесли его из моря. Это, брат, уже другой рассказ. Поймал ты меня на слове, теперь слушай.

Наши войска обороняли город от фашистов. Двести и пятьдесят дней держали оборону. А когда порядком помытарили врага, командование приказало отступить, чтоб силы до конца не растрачивать.

И вот уходило из города советское войско, а прикрывали его бойцы морской пехоты. Какие были хлопцы! Знали они, что не всем выпадет судьба уйти из города, что многим доведётся здесь полечь и смертью своей, как щитом, прикрыть от вражьего огня сотни жизней. Но они и думки про это не имели, потому что герои никогда про себя не думают.

Ушло из города советское войско. А за ним уходили бойцы морской пехоты. Из целого батальона осталось их всего-навсего человек пятнадцать. Гранат уже не было, в дисках — считанные патроны. А немцы наседают, прижимают их к морю, так и прут серой стеной.

Вышли краснофлотцы вот сюда, на этот берег. На берегу — один баркасик, и тот насквозь пробитый. А серая стена всё ближе.

Огляделись краснофлотцы, посмотрели друг другу в глаза и стали уходить в море. Последним шёл моряк, ну, прямо сказать — богатырь. Было похоже, что на тельняшке у него — шёлковая красная ленточка. А это из раны лилась кровь, и некогда было её унять.

Уходили краснофлотцы в море, уносили раненого товарища. Вода уже до колен. До пояса. Вот она давит грудь... Повернулись моряки лицом к родному городу, да за серой стеною немцев ничего не увидели. Тогда они выпустили из своих автоматов все патроны без остатка,— в серой стене сделалось много пробоин, и моряки увидели развалины своего города.

Немилосердно палило солнце. Море было тихое. Немцы не стреляли. Они топтались на берегу, слепые от солнца и от геройства русских моряков. Не стреляли немцы, видать, считали, что моряки всё равно уже погибшие. Где им было понять, что герои никогда не сдаются!

Вдруг несколько рук поднялось над морем. Немцы заревели от радости: ага, мол, сдаётесь!

И тут ошиблись немцы. Не сдавались моряки. То скидывали они с себя тяжёлые и неловкие от воды бушлаты. Верно для того, чтоб легче было в пути.

Вода уже щекотала им ноздри, гудела в ушах. Тогда моряки в последний раз посмотрели на свой город, и вода тихо сошлась над ними. Чья-то бескозырка не удержалась на голове, волны стали толкать её к берегу, а потом раздумали и понесли в море...

Немцы хозяйничали в городе. А кругом, в горах собирались в отряды партизаны.

И вот как-то раз, среди бела дня тучи налезли на солнце, море почернело, разлютовалось, налетел ветер отчаянный. Тогда-то, рассказывают, вышли из моря пятнадцать краснофлотцев, построились на берегу и без единого выстрела прошли мимо ошалелых немецких патрулей к партизанам, в горы. Впереди был тот моряк-богатырь. Говорят, на тельняшке у него горела шёлковая красная лента. В руках он высоко нёс потёмкинский флаг.

...И потом, когда весной сорок четвёртого наши отбивали город, в самых первых рядах видели тех моряков с красным флагом «Потёмкина». А бой был... Земля такого боя ещё не видывала! День и ночь били наши пушки. От пушечного грому, наверняка, стёкла дрожали на другом конце света. Чёрный дым целую неделю стоял над городом. Море разгулялось, закипело. А над городом, над морем, как вещуны победы, кружились самолёты с красными звёздами. И в самом пекле бились пятнадцать краснофлотцев.

Потом, когда освободили город, их видели где-то в другом конце Черноморья. Но никто не ведает, где застала их победа и где они теперь...

Гордей замолчал. Ветер ерошил его седые жёсткие волосы и словно разгладил морщины на лице Гордея; в сумерках, озарённое лучистым светом глаз, оно казалось совсем нетронутым старостью.

— А море всё ещё светится...— сказал старик.— Светится в том месте, где лежал потёмкинский флаг. Видать, за долгие годы сильно напиталось море тем огненным светом...

Он опять закурил и надел картуз. Мне не хотелось уходить отсюда Я смотрел на берег, невольно искал затерянные следы отважных краснофлотцев и думал о высокой и святой любви народа к своим героям, о любви, которая рождает легенды.

Елена Ивановна

Е. Медякова

Рисунки Е. Гилёвой

— Нет, это невозможный класс!— сказала учительница арифметики Инна Андреевна, входя в учительскую.

Она бросила на стол классный журнал и приложила ладони к пылающему лицу.

В учительской находилась только Елена Ивановна, учительница биологии. Она сидела в уголке дивана. Лицо её выглядело очень усталым. Коротко остриженные волосы были совершенно белыми.

Уже давно врачи советовали Елене Ивановне перейти на пенсию, но она не могла оставить любимую работу.

Елена Ивановна, казалось, дремала.

Услышав восклицание Инны Андреевны, она открыла глаза.

— О каком классе вы говорите?

— О каком же больше? О моём собственном! Опять сидели безобразно. Особенно Павлов и Гришин. Вертятся, хихикают, а потом всё сваливают на Ворожцова.

— А вы считаете Ворожцова примерным?

Инна Андреевна повернулась к Елене Ивановне.

— Не примерным, но всё-таки... Ворожцов всегда учится хорошо. А у тех тройки, случались даже и двойки...

— Не удивительно, что Ворожцов учится хорошо,— возразила Елена Ивановна. Она продолжала сидеть на диване в спокойной позе.— Способности у него прекрасные, а летами он старше всех ребят. Это не его вина, конечно,— добавила она,— что Ворожцов остался на второй год. Виновата болезнь, но всё же учиться-то ему легче?

— Но у него и поведение всегда пять,— не уступала Инна Андреевна.

— А вот это, может быть, несправедливо,— ответила к её удивлению Елена Ивановна.— По моим наблюдениям он иногда может взбаламутить весь класс, а сам остаться невинным. Вы ещё не были у него дома?

— Нет... Я не успела...— чуть смущённо сказала молодая учительница.— Я побывала в первую очередь у неуспевающих...

— Вы сходите, стоит... только имейте в виду: мать слепо любит сына и прощает ему всё. А отец у него более строгий человек. Несмотря на то, что потерял на фронте ногу, вернулся к своей прежней профессии инженера и с увлечением работает. Если ему объяснить всё, он сумеет подойти к сыну. Я сама собиралась побывать у них.

Елена Ивановна с трудом поднялась с дивана и подошла к шкафу с учебными пособиями.

— Да, ещё я вам хотела сказать,— обернулась она к Инне Андреевне.— Как раз шестой класс «Б» я считаю самым активным и дельным классом. А Гришин и Павлов — хорошие ребята, правда, чуть-чуть шаловливые, так ведь на то они и мальчишки.

— Ну, вы их, конечно, защищаете!

В это время в коридоре послышалась прерывистая трель звонка. Почти в то же мгновение дверь приоткрылась, и в неё заглянули две весёлые физиономии. Увидев их, Инна Андреевна резко отвернулась.

Мальчики заметили её движение, и вопрос одного из них, рослого, в курточке с аккуратным белым воротничком, прозвучал несколько неуверенно:

— Елена Ивановна! Может быть, надо что-нибудь унести... в класс?

— Вот захватите это,— Елена Ивановна подала мальчикам свёрнутые в трубку таблицы по ботанике.

* * *

Ученики 6-го класса «Б», как, впрочем, и школьники многих классов, любили уроки ботаники. Никому не приходило в голову отвлекаться, когда Елена Ивановна неторопливо открывала перед ними удивительные тайны природы. Самые обыкновенные явления, мимо которых ребята проходили равнодушно, в её рассказе вдруг приобретали необыкновенный смысл.

Она учила ребят наблюдать живую природу, наблюдать настойчиво и терпеливо. Ребята не переставали изумляться богатству и разно-

образию растительного мира. На каждом уроке они узнавали, как человек подчиняет себе этот мир и изменяет его по своему желанию.

Вернувшись домой, Миша Гришин, находясь под сильным впечатлением урока биологии, обратился к маме:

— По-твоему, что такое картошка?

— Как, что такое? Овощ!

— Это стебель!

— Какой же это стебель, когда он под землёй? Да и по форме он совсем не походит на стебель!

— А ты посмотри!— Миша брал клубень картофеля.— Смотри: это подземный стебель. Вот видишь глазки,— в каждом из них почки. Если мы посадим клубень, из почек разовьются надземные побеги...

— А ты знаешь, что такое арбуз?— вдруг вспоминал Миша следующее невероятное открытие, сообщённое Еленой Ивановной.

— Я уж не знаю, как по-твоему.

— Арбуз — это ягода!— выпаливал Миша.

— Какая же это ягода? Ведь у арбуза корка твёрдая и семечки внутри...

— Корка ничего не значит. А семена как раз у каждой ягоды находятся среди сочной мякоти.

Маму тоже начал интересовать новый подход к обычным, повседневным вещам.

Однажды Миша и его друг Юра пришли из школы вместе. Перебивая друг друга, они сообщили, что сегодня получили оба пятёрки по ботанике и в награду Елена Ивановна дала им лист бегонии с тем, чтобы каждый вырастил из половины листа новое растение.

Мама охотно дала Мише цветочный горшок и чайный стакан.

Мальчики осторожно разделили лист надвое. Миша взял свою половинку, надрезал крупную жилку листа и воткнул его во влажный песок, а сверху прикрыл стаканом.

Через некоторое время на разрезах жилки листа появились маленькие почки, а из них постепенно развилось молодое растение. Миша радовался, когда крошечное растение раскрывало один за другим красивые красноватые листья, отливающие металлическим блеском.

У Юры, слишком обильно поливавшего бегонию, лист замок и загнил.

Участок при мужской школе был каменистым и неплодородным. Но каждую весну Елена Ивановна раздавала своим ученикам семена различных овощных и зерновых культур, подробно рассказывала, как их выращивать.

А осенью ребята тащили в школу снопы выращенной ими пшеницы и овса, метёлки проса, тыквы и кабачки, чёрно-фиолетовые бобы и пёструю фасоль, стручки горчицы и даже початки кукурузы.

И какими интересными были уроки, когда всё, о чём рассказывалось на страницах учебника ботаники, можно было подержать в руках, даже тайком попробовать на зуб. Ведь интересно было самому узнать, горько ли круглое, похожее на просинку, зёрнышко горчицы и вкусно ли перламутровое зерно кукурузы.

* * *

В этот день Елена Ивановна вела урок не так, как обычно. Она кратко рассказала ученикам о томатах. Более подробно остановилась только на прививках. Если привить томат на чёрный паслён, томат даст плоды на месяц раньше, чем обычное растение. Можно привить томат на картофель, и тогда мы будем наблюдать интереснейшее явление: в земле образуются клубни картофеля, а на ветвях будут созревать крупные, алые томаты.

Затем Елена Ивановна вызвала двух учеников. Вызванные пересказали урок толково и добросовестно.

Елена Ивановна закрыла классный журнал.

— Ну, давайте поговорим, мальчики,— сказала она, глядя на школьников. Её обычно добрые голубые глаза сейчас смотрели холодно.

— Что у вас случилось на уроке Инны Андреевны?

Все молчали.

Елена Ивановна снова обвела взглядом класс. Вот, на второй парте, сидят два товарища — Павлов и Гришин. Миша Гришин, которого в школе прозвали «Миша-Гриша», сидит неспокойно. На его круглом, живом лице — явное смущение. Маленький, подвижный Павлов виновато потупил глаза.

— Ну, что же? Никто не может рассказать? Гришин и Павлов! Почему вы плохо вели себя на уроке?

Миша и Юра вскочили почти одновременно.

— Мы не сами...— начал Миша и замолчал. Его лицо было искренно огорченным,

— Мы не хотели...— поддакнул ему Юра и тоже замолчал.

— Сразу оба языка лишились,— спокойно сказала Елена Ивановна, но в её глазах блеснула насмешка.— Ну, может быть, классный организатор сообщит всё, как было.

Поднялся Слава Медведев. На мгновенье он смутился, потом смело взглянул в лицо учительнице.

— Елена Ивановна! У нас часто на уроках Ворожцов смешит ребят... когда учитель отвернётся... А когда учитель опять повернётся к классу...

— Ворожцов делает ангельское выражение лица?— докончила Елена Ивановна.— Это похоже на него. Ну и, конечно, такие невыдержанные ученики, как Павлов и Гришин, которым достаточно палец показать, чтобы они захохотали...

На задних партах зафыркали. Миша Гришин смущённо улыбнулся, Юра стоял, упрямо потупившись.

— Кто же виноват в нарушении порядка?— продолжала Елена Ивановна, поглядывая то на стоявших Славу Медведева, Мишу и Юру, то на сидевшего с потупленными глазами Ворожцова.— Кто виноват,— Гришин и Павлов, которые не умеют сдерживаться, или Ворожцов, который умеет сдерживать себя, но мешает заниматься всему классу?

— Ворожцов...— неуверенно сказал кто-то.

— Садитесь все,— проговорила Елена Ивановна.— Продолжим беседу. Мы не можем уважать человека, который умеет притворяться, что он хороший и совсем не виноват в том, что все кругом фыркают и не слушают учителя. Подумайте, в чём же вина Ворожцова? Он насмешит вас, и вы не слышите, о чём говорит учитель. А ведь часто учитель говорит то, чего вы ни в каком учебнике не найдёте. Значит, вы упустите безвозвратно какую-то долю знаний... И как, по-вашему, неужели наш труд, труд учителя, не заслуживает уважения? Если бы кто-нибудь вздумал мешать стахановцу, работающему на станке, то на него посмотрели бы как на сумасшедшего. А ведь стахановец работает над неодушевлёнными деталями, а мы, учителя,— над «воодушевлёнными» учениками.

Все заулыбались, некоторые засмеялись. Мальчики ещё с третьего класса помнили, что Миша Гришин, отвечая урок, разделил все предметы на неодушевлённые и «воодушевлённые».

— Мы уважаем человека, который умеет сдерживаться, может во-время сказать себе «стоп», и презираем тех, кто даёт волю дурным поступкам. Сдерживать себя нужно с детства и настойчиво укреплять в себе это качество. Оно всегда пригодится. Я расскажу вам один случай.

Елена Ивановна сидела всё так же спокойно, сложив руки перед собой. Её зоркие глаза держали в поле зрения весь класс.

— Так вот... На фронте на одном участке создалось тяжёлое положение. Чувствовалось, что враг накапливает силы. Ждали наступления. Чтобы выяснить обстановку, в разведку пошёл командир подразделения разведчиков и сержант. Ночью, соблюдая величайшую осторожность, они пробрались в расположение врага. Ранние утренние сумерки показали разведчикам, что их опасения были справедливыми: в лесу противник скопил большое количество техники.

Набросав в записной книжке расположение сил врага, разведчики стали отходить к своим. Глубокие воронки от снарядов облегчали отход. Становилось всё светлее. Разведчики были уже недалеко от своих, когда их заметили вражеские снайперы. Один за другим раздалось два выстрела. Одним из них был тяжело ранен командир.

— Возьми записную книжку и скорей к нашим,— прошептал он сержанту, стискивая зубы, чтобы не застонать.

— Хорош я буду!— пробормотал сержант. Не слушая возражений, он взвалил командира на спину и медленно пополз к своим.

Вслед раздавались выстрелы. Командир от потери крови несколько раз терял сознание. Вдруг он почувствовал, что сержант вздрогнул и остановился.

— Ты что, Василий?— спросил лейтенант, тот не отвечал.

Елена Ивановна обвела глазами класс. Ребята слушали. Миша Гришин даже полуоткрыл рот, весь подался вперёд. Слава Медведев был весь внимание.

Не сводя глаз с Елены Ивановны, слушал Николай Ворожцов.

...— Василий, ты что? — опять спросил командир.

— Чёрт!— ругнулся сержант.— Ножик перочинный в кармане у меня... воткнулся в ногу штопор... Сейчас я его выброшу...

Он немного повозился и пополз дальше. Но советские бойцы уже увидели их. Двое вылезли из окопа, ползком добрались до разведчиков и помогли им укрыться в траншее. Тут командир увидел лицо сержанта, и оно поразило его.

— Василий, что с тобой?

Сержант, белый, как бумага, закрыл глаза. Он потерял сознание.

Пуля вражеского снайпера попала ему в ногу, раздробив коленную чашечку. Но командира он спас...

Сержант этот был — Василий Ворожцов, отец вашего товарища. Ногу ему пришлось отнять... Правительство наградило Ворожцова орденом Красной Звезды. Вот такого человека мы можем уважать за выдержку и самообладание...

Глубокое изумление и волнение было на лице Николая Ворожцова. Ребята смотрели на него с любопытством. Но большинство ещё находилось под впечатлением рассказа.

Миша Гришин, вздохнув, сказал:

— Ну и здорово! А Колька и не знал, какой у него отец замечательный...

Ворожцов блеснул на него глазами и потупился.

— Так вот, друзья,— закончила Елена Ивановна.— Вы хотите стать настоящими людьми, достойными уважения? Учитесь владеть собой. Помните, что сейчас для вас самое важное дело — учёба. Пересмотрите своё отношение к ней...

Раздался звонок.

* * *

Подходя к классу 6 «Б», Инна Андреевна невольно заволновалась. Неужели и сегодня опять повторится вчерашнее?

Но из класса не доносилось обычного гудения. Инна Андреевна открыла дверь и вошла. Ученики поднялись в полной тишине. Никто не гримасничал, никто не лез под парту «за упавшей резинкой».

Дежурный отдал рапорт.

Инна Андреевна раскрыла журнал, и через минуту раздался её уверенный голос:

— Итак, вчера мы остановились на пропорциях...

*

Л. Носов

Рисунки В. Воловича

Долго печь дышала жаром,
Любят здесь её беречь.
Загрустили сталевары,
Как затихла эта печь.

Отслужила,
Охладела:
Без огня какая жизнь!
Что ж теперь осталось сделать?
Только заново сложить.

А сложить на совесть нужно,
Поработать с огоньком...
Коллектив собрался дружный
Во главе с кадровиком.

Стали требует страна,
Значит, печь быстрей нужна,
Значит, здесь резервы наши
Надо вычерпать до дна.
Так старик ребят учил.
И поддержку получил.

— Поработаем, как надо,—
Заявили пареньки,—
Необычная бригада,
Сплошь его ученики.

Кто кирпич подносит бойко
И кладёт его стеной,
Самый прочный,
Огнестойкий,
Издающий звон стальной;

Кто подину устилает
Магнезитным кирпичом,
Кто откосы исправляет,
Кто подчисткой увлечён,

Кто соседа подпирает,
Полегоньку так плечом:

— Поторапливайся, друг,
А не то нехватит рук.
Будет время — перекурим,
А пока что недосуг.

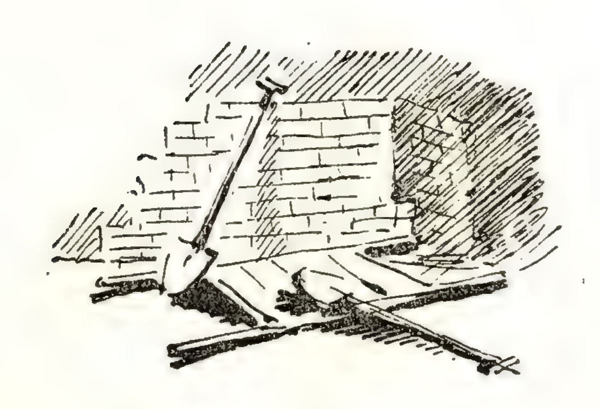
Обойдёмся без подмоги,
Хватит ловкости в руках.
Кадровик — учитель строгий —
Ходит, смотрит, что и как.

У ребят с начала смены
Дан работе полный ход:
Вот уже кончают стены,
Вот уже возводят свод.

Всё как надо: быстро, прочно.
Молодцы, о чём тут речь!
Возрождённая досрочно
Снова жарко дышит печь.

— Я такой работе рад,—
Похвалил старик ребят.
Время тратили не даром.
Да о чём тут говорить!

Пожелаем сталеварам
Сталь добротную варить.
А потом добавил веско:
— Вот что, милые друзья,
Для родной страны Советской
Сил жалеть никак нельзя.

Фиолетовая точка

Кл. Рождественская *Рисунки М. Щировского*

Весь первый год практики молодые огранщики точили камни из цветного стекла и горного хрусталя. Второй год начался с того же. Ребята роптали:

— Живём на Урале и до сих пор не держали в руках даже аметиста.

— Всему своё время,— говорил Алексей Иванович.— Испытаете все уральские камни. Разве я так оставлю?

И неторопливо, с обычным старанием продолжал выколачивать для них камешки из неровных пластин горного хрусталя.

Нетерпеливая юность всё же подтолкнула события. Мастер вскоре принёс пакет, в котором лежала грудка фиолетовых кристаллов.

Алексей Иванович не успел ещё сказать: «Ну, ребятки, вот и аметисты», как его мигом обступили со всех сторон.

Возглас «наконец-то!», однако, сменился тотчас вздохом общего разочарования:

— Ой, какие же они...

В пакетике лежали тусклые, едва окрашенные кристаллики карата[1] в полтора-два весом. На них не хотелось глядеть. Невзрачные, безжизненные малютки, в которых краска беспорядочно расползалась то полосками, разорванными как попало, то бледными смутными кустиками.

Федя, повертев кристаллик в руках, сказал, не скрывая пренебрежения к аметисту:

— Тот же горный хрусталь, только вымазанный фиолетовыми чернилами.

[1] Карат — 0,2 грамма.

С этим определением согласились все, даже Алексей Иванович. Но он прибавил с уважением в голосе:

— Это уральский аметист — самый глазастый камень и хитроумный. В работе он требует смекалки.

Аметист, действительно, тот же горный хрусталь, только фиолетовой окраски; говоря короче,— это фиолетовый кварц.

На Урале аметист встречается в коренных месторождениях и в россыпях по берегам горных озёр и рек.

С известных уральских месторождений поступает лучший в мире аметист.

О своих находках горщики, обычно, вспоминают с большим оживлением, независимо от того, нашли они самоцвет в этом году или двадцать пять лет назад.

Один горщик работал на копях ещё в 1922 году, а рассказывал о добыче с таким чувством, будто он вчера вернулся с аметистовых копей.

— Наткнулся на проводничок горного хрусталя, иди за ним! — говорил он.— Он тебе как путеводная звезда. Проводничок начнёт раздуваться. Следи, глаз с него не спуская. Чем дальше, тем он толще. С большой пузырь раздуется. Порода, а в ней пустота, занорыш. Тут уж сердце взыграет, терпенья нет.

В занорыше — глина, вязкая, сыроватая чуть. Из такой глины хорошо лепить. Самоцвет в ней, его не видно.

Сперва очищаешь маленькой лопаточкой, потом руками. Трепещешь, как бы ненароком не поломать. Друг друга останавливаешь: «Постой, Егорыч!» — «Подожди, Василий!» Ну, как дети. В глине турмалиновые иголки. Сколько заноз под ноготь насадишь! Ничего,— от каменных иголок не загнивает, не больно. Впоследствии я приспособился — стал сверху лить воду из ведра. На коленях стоишь, в грязи, глина на тебя льёт. Перемажешься, как печник. Терпишь... Лишь бы кристалл достать в целости, не нарушить красоту. Вытащишь их, голубчиков, на свет, они, как пельмени. В луже смоешь и в траву или под мох. Сразу нельзя из тьмы да на свет. Могут дать трещины. У камня своя нежность. Полежит там часа два-три, отойдёт — можно вынуть.

Положишь камешек на ладонь и любуешься...

Аметистовые копи, открытые в 1765 году, в течение почти двух столетий доставляют камень, не имеющий себе равного в мире. В то время как аметисты бразильских и цейлонских месторождений при искусственном свете совершенно блёкнут и кажутся мертвенно-серыми, наши аметисты сохраняют не только свою игру, блеск, но загораются ещё ярче, ещё красивее.

Горщики и огранщики, видавшие заграничное каменное сырьё, отзываются о нём кратко:

— Аметисты густые, но мёртвые.

Наука пока не установила, какое вещество придаёт кварцу фиолетовый цвет. Одни учёные считают, что аметист содержит твёрдый коллоидный раствор окислов, другие видят причину в действии на кварц радиоактивных веществ.

Известно лишь, что аметист боится солнца и огня. Раньше купцы не держали камень на витрине — выцветет. Если нагревать аметист, то он

сначала побледнеет, потом пожелтеет, позеленеет слегка и при 350 градусах обесцветится совсем — станет обыкновенным горным хрусталём.

Большинство уральских аметистов имеют неоднородную окраску. Краска располагается в них кустиками или полосками вразброс.

Опытных огранщиков нисколько не смущает это явление. «Надо из ничего чего сделать,— говорят они.— Аметист — камень хитроумный, над ним нужно подумать».

Вот аметист совсем белый, и только в уголке затаилась одна фиолетовая крапинка. Как сделать, чтобы эта, едва видимая, капелька краски разлилась по всему камню? Как превратить белый камень в фиолетовый, не уступающий по силе игры густоокрашенному самоцвету?

Уральский огранщик знает, что надо сделать. Деды передали ему секрет чудесного превращения камня.

Алексей Иванович принёс ребятам неважные аметисты. Возможно, на заводе в тот момент не было лучших, а возможно, мастер нарочно

отобрал «маломальские» камни, чтобы на примере показать ребятам, как можно «из ничего чего сделать».

Вручая кристаллик, мастер говорил:

— Смотри, не потеряй, это всё-таки камень.

От одного этого наказа кристаллик кварца становился дороже слитка золота. Его зажимали в кулак и устремлялись к станку. И там только начиналось разглядывание сокровища — молчаливое, сосредоточенное.

Аза, осмотрев свой камень, пришла в отчаяние. Кристалл был абсолютно бесцветным. Хоть бы где-нибудь застоялась одна фиолетовая крапинка! Нигде и ничего.

У Феди, сидевшего позади Азы, камень был с полосками вразброс, и он не знал, на какую из них опереться в работе. То ли эта погуще, то ли другая, летящая, как летнее облачко при закате.

Краску надо ловить. Это значит, опустить камень в блюдце с водой, и краска со всего камня сбежится в один куст синего-синего марганцового цвета. Этот куст и ставить в низ камня. Тогда камень будет как бархатный.

Федя побежал за водой, Аза направилась к Алексею Ивановичу.

— Всем аметисты дали, а мне почему-то горный хрусталь.

— Нет, Азочка, у тебя есть кустик. Вон видишь, с этого боку. Хороший кустик, хороший. Вот поставь его вниз, в самый испод, и у тебя он разольётся по всему камню. Из ничего чего сделаешь,— будешь мастер. Не волнуйся, у тебя кустик хоть куда.

Аза с сомнением покачала головой. Кустик, действительно, был, но какой? Не кустик, а точка с булавочную головку. Она едва фиолетилась с боковой грани кристаллика. Только чудом эта капелька могла разлиться в озеро.

Аза отошла от мастера. Он сказал ей вслед:

— Смотри, не сточи точечку. В ней вся сила.

Ребята уже обтачивали камень на железном круге. Среди них был и Федя. С помощью воды он поймал главный кустик краски. Чтобы поставить его вниз, ему пришлось «вывернуть» камень, то-есть наметить полотно не там, где ему следовало быть по правилу.

«Выворачивала» камень и Аза. Точка, ничтожная фиолетовая точка, указывала, где быть полотну и боковым граням. Ради неё пришлось сточить немалый угол кристалла.

Наконец, точка угадала в самый низ камня, сведённого на конус. Во время обточки Аза с тревогой посматривала на неё. Тут ли? Лишний поворот круга, и грубая крупинка сдёрнет её без остатка.

Скоро кристалл превратился в маленький каменный колпачок. Ещё немного, и, наклеив его на шпильку, можно наносить грани.

Азу охватило обычное в работе нетерпеливое возбуждение. Скорее! Успеть бы до конца смены сделать камень...

Алексей Иванович не спеша подходил то к одному, то к другому ученику и заботливо наказывал:

— Смотри, не перегрей камень. И вниз, вниз ставь кустик! Все понимали ответственность работы и трепетали за свой кустик.

Перед наклейкой камня на шпильку Аза бросила взгляд на низ, и её точно обожгло кипятком. Где точка? Точка где?

Она протёрла камень, поднесла его близко к глазам, и её чёрные ресницы задрожали в испуге. Точка, как соринка, сброшенная на пол, исчезла, пропала.

Её не было ни внизу, ни вверху, ни в боковых гранях. Сточила! Сточила точку, ту единственную, замечательную фиолетовую точку, которая сделает камень бархатным, и он станет жить, переливаясь при дневном и ночном свете.

Аза кинулась к мастеру. Алексей Иванович надел очки в железной оправе, обмотанной чёрными тряпочками, и пока протирал камень в руках, у него выступили на лице капельки пота. Старик тоже заволновался.

— Да нет же, Азочка! Вот она! Гляди! Она в ребре притаилась.

Точка опять отчётливо фиолетилась перед просиявшей Азой.

Дальше Аза работала более спокойно. Злополучная точка теперь утопала в сургуче, пока она гранила и полировала коронку.

При повороте шпильки стало что-то посверкивать в низу камня. Вспыхнет искорка и пропадёт. Камень пробуждался к жизни.

После обеденного перерыва все ребята со страхом подсчитывали оставшиеся до конца смены минуты и неотполированные грани. Ужасало одно предположение, что недоделанный камень перейдёт на «послезавтра», и значит больше суток придётся пребывать в мучительной неизвестности — разольётся у тебя краска или нет.

В своём рвении огранщики развили такую скорость, что мастер испугался — не наплели бы его разгорячённые ребятки таких кружев, что показать будет стыдно начальнику цеха. Квадрант так и летал от шпиля к глазам, круг натирался и увлажнялся, будто сам собой, от его дробления висел в воздухе резкий пронзительный звук.

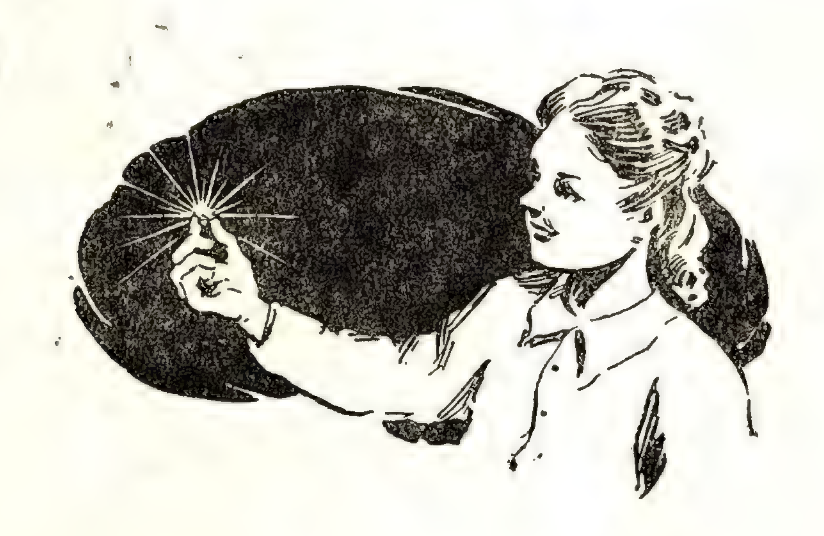
Федя первый поднялся с места. Немного погодя Аза. Кто-то, горя желанием разом отклеить и очистить камень, сбегал во двор за снегом. Снег быстро смывает нечисть.

Готово! Камень чист. Рука отодвигает его в полутьму станка. Только так огранщики смотрят камень. Не на свету, а в полутьме должен играть самоцвет.

И в молчании, всё более и более удивлённые, созерцают они камень минуту, другую. Потом смеются тихонько, радостно и сдвигают камни в ряд.

У каждого, заливая весь камень, пламенеет фиолетовый огонь, рождённый маленьким бледным кустиком краски.

— А я что говорил,— довольно смеётся Алексей Иванович.— Разольётся красочка. Сделали камень, и слава вам.

Н. Сёмин

Рисунок В. Воловича

Белей, чем первый чистый снег,
Стал волос у него,
Но не сказал в тюрьме Олег
И слова одного.

— Нам имя дай и адреса,
Иначе смерть от мук!
Скажи нам, кто твои друзья?
И кто твой первый друг?

Палач кричал, палач грозил,
Свободу обещал,
Но Кошевой далёко был.
Он немца не слыхал.

Он видел Родину свою,
Любимый свой Донбасс,
Друзей, что под огнём в бою
Шагали в этот час.

Он видел гордый красный флаг,
Что подымал он сам,
И палачам сказал он так:
— Скажу всю правду вам.

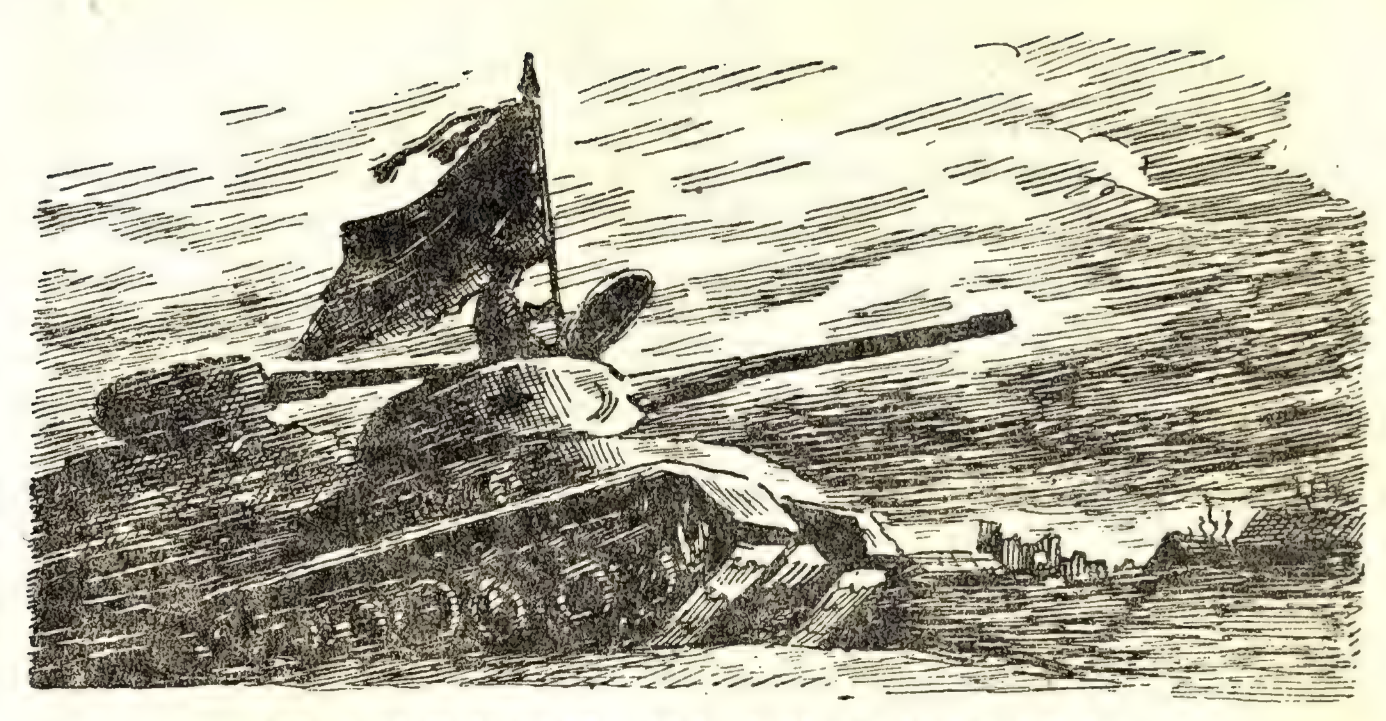
Пишите адрес: штаб в Кремле,
А имя — Сталин. Он
Со мною был и мне велел
Поднять весь Краснодон.

— Как, Сталин приезжал в Донбасс?!
А где его искать?
Но кончил Кошевой рассказ.
Он был далёк опять.

И вот блеснул под солнцем снег
Ему в последний раз.
Стоял под пулями Олег,
Не закрывая глаз.

Он умер честным и прямым,
И прав он, — это так:
Всегда был Сталин вместе с ним,
Два сердца бились в такт.

★

ЖУРАВЛИ ЛЕТЯТ НА ЮГ

С. Самсонов *Рисунок В. Воловича*

Наша танковая часть уже около недели находилась в тылу врага. Уничтожая немецко-фашистские гарнизоны, их склады с горючим и боеприпасами, танкисты были неуловимы. Ворвутся танки ночью в село, занятое фашистами, разобьют гарнизон, уничтожат технику врага и скроются. Время было осеннее, ненастное. Целыми днями лили дожди, стояли густые туманы, и это помогало танкистам. Немцы опомнятся, соберутся с силами, кинутся преследовать, да только не тут-то было: танкистов и след простыл. Уже по всей округе носились вести о неуловимых русских богатырях, появляющихся на стальных машинах-танках то тут, то там. Враги приходили в ужас, а наши советские граждане с нетерпением ждали своих освободителей и радостно говорили: «Вот придут наши, да как тряхнут немчуру, так от них только мокренько будет!»

Однажды герои-танкисты решили напасть на один город, где у фашистов были сосредоточены большие силы. Чтобы осуществить внезапность нападения, командир части, отведя свои танки южнее города километров на 30—40 в степь, решил разведать путь. В разведку он послал два танка с самыми храбрыми и находчивыми танкистами. Они должны были дойти до небольшого села и разузнать о силах врага. Прощаясь с танкистами, командир наказал им в бой вступать только в том случае, если враг вынудит.

Танки вышли ночью. Повёл их лейтенант Лукьянов, человек умный и храбрый. Он не раз уже выполнял боевые задания.

Ночь выдалась тёмная и холодная. Лукьянову иногда казалось, что он сбился с пути, несколько раз он останавливал танки и высылал вперёд бойца.

Наконец, добрались до села. Немцев там не было. Лейтенант Лукьянов собрался продолжать путь, но жители запротестовали. Они предложили танкистам отдохнуть немного и закусить. Те не стали отказываться, тем более, что им нужно было поподробнее расспросить о неприятеле.

За беседой незаметно прошло порядочно времени. Вдруг танкисты услышали рокот вражеских танков, шедших на село со стороны города. Перед Лукьяновым стал вопрос, как быть. Идти обратно было поздно, принимать бой — опасно. Посоветовавшись с товарищами, Лукьянов решил принять бой. Ведь враг не знает, сколько у него танков, да и у немцев, может быть, не больше машин, чем у него... Если же он сумеет удачно встретить врага, то не исключена возможность, что немцы пойдут наутёк.

Решив так, лейтенант вывел танки на окраину села и приготовился к бою. Вскоре показались огни немецких танков. Не подозревая о засаде, они подошли совсем близко. Лукьянов приказал открыть огонь и с первых же выстрелов поджёг две неприятельские машины. В первую минуту немцы растерялись, но тут же выключили свет и развернулись для боя. Пока вражеские танки шли со светом, Лукьянову легко было отыскивать цель, сейчас же положение изменилось.

Фашисты быстро сообразили, что противник имеет меньше сил, хотя Лукьянов и менял огневые позиции, и начали окружать село.

Бой уже продолжался около часа. Одна машина Лукьянова получила повреждение ходовой части и могла вести огонь только с места. Другая, продолжая менять позиции, наносила врагу урон. «Ничего, в родном селе и стены помогают»,— подбадривал Лукьянов товарищей, а сам думал о том, как предупредить командира, кого послать. У него и так было мало людей, нужных для боя. В селе были одни старухи, женщины и дети.

И тут он вспомнил о мальчонке, с которым познакомился в хате, где их угощали. Вася настойчиво просился с ними, но ему отказали. Сейчас Вася сидел во втором танке. Лейтенант пошёл к нему.

— Вася, ты знаешь путь на деревню Луговую?— спросил он мальчика.

— Знаю.

— Найдёшь её ночью?

— Найду.

— Так слушай... У деревни Луговой, в овраге, стоят наши танки... Я тебе дам записку, и ты крой туда. Только скорее, как можно скорее...

Теперь лейтенант Лукьянов больше уже не думал о том, как ему быть. Он знал, что до утра продержится, а там и помощь подойдёт.

Вася выбрался из села и побежал в сторону деревни Луговой. Летом он не раз там бывал и никогда не ходил дорогой, а всегда напрямик, степью. Это сокращало путь на несколько километров. Теперь он тоже пошёл напрямик.

* * *

Время давно перевалило за полночь, и нужно было бы быть уже Луговой, но деревни всё не было. Вася устал, измучился. Он присел на мокрую траву и заплакал: «Заблудился, не выполнил просьбы лейтенанта... Они там кровью обливаются, ждут помощи, а я блуждаю»,— думал мальчик. Он стал прислушиваться к разрывам снарядов, чтобы определить, где их село, но разрывы доносились с разных сторон. Это совсем сбило с толку мальчика.

Прошло около часа, а Вася всё сидел и плакал, думая о том, как ему быть. Ждать утра нельзя, да и холодно. Идти искать Луговую, можно дальше уйти в степь. Идти обратно он тоже не мог, так как теперь уже не знал, в которой стороне родное село.

— Что делать? Как быть? — спрашивал он себя. Вдруг высоко над головой Вася услышал журавлиный крик: кур-лы, кур-лы. Журавли кричали тревожно и где-то далеко, потом всё ближе и ближе и, наконец, прямо над головой, только высоко в небе.

— Милые мои, родные,— шептал Вася, догадавшись, что это журавли летят на юг, в ту сторону, куда и надо ему спешить.

Он вскочил и побежал за улетавшими журавлями, всё время прислушиваясь к их тревожному курлыканью.

Кто знает, сколько бы Вася бежал так, если бы не налетел в темноте на изгородь у деревни Луговой.

А через несколько минут советские танки неслись к Васиной деревне. И хотя Вася проблуждал больше положенного времени, танки подоспели во-время.

Когда бой кончился, командир поблагодарил Васю, снял со своей гимнастёрки медаль «За боевые заслуги» и вручил ему.

Через день танки русских богатырей разгромили фашистов в городе.

За окунями с самотрясом

А. Исетский

Рисунки Е. Гилёвой

Летом Ефим побывал с отцом на всех пригородных озёрах и речках. Испробовав различные способы ужения, он стал заядлым рыболовом.

Возвращаясь с последней осенней рыбалки на Чусовском озере, Степан Егорович, отец Ефима, с сожалением сказал:

— Ну, теперь перерыв рыбалки до зимы.

— А как, папа, рыбачат зимой?

— Зимняя рыбалка трудная,— неопределённо ответил отец.

Ефим пристал к нему с настойчивыми расспросами и решительно заявил, что половить рыбу из-под льда он должен обязательно.

— Куда тебе! — махнул рукой Степан Егорович.— То-то мне рыбак какой.

— А какой? — вспыхнул Ефим.— Вот везём рыбу, а кто больше поймал? Вот и «какой рыбак!»

— Да пойми ты, хвастунишка, что на зимней рыбалке это тебе не на лодке в трусах сидеть да глядеть на свои поплавки. И поплавки эти, удочки и крючки летние, зимой не годятся. И приманка нужна другая. Но главное — зима не лето: холод, бураны... А лёд долбить — так, бывает, намаешься, что ох-хо-хо! Нет, Ефим, повремени, годик-другой с этим делом.

Но мальчик не унимался:

— И пусть холод, пусть буран. А что ты думаешь — на лыжах я хожу, так не холодно? В прошлом году я даже нос обмораживал. Какой я буду разведчик, если мороза бояться?

Желание сына было столь горячим и страстным, что Степан Егорович уступил.

— Ну, хорошо, товарищ разведчик,— шутливо сказал он.— Сходим с тобой на наш Верх-Исетский пруд. Замерзать будешь, так хоть до дома недалеко — убежишь. Только надо готовить другую снасть.

— Папа, покажи как, я сам сделаю,— заявил повеселевший Ефим.

И в свободное от уроков время он занялся под руководством отца изготовлением зимних рыболовных принадлежностей.

Рыболов зимой рыбачит только одной удочкой, но зато эта зимняя удочка совсем особенная.

Отец дал Ефиму для образца свою удочку. Она была до смешного коротенькой — чуть больше полуметра. Тонкое бамбуковое удилище было до половины обложено в несколько рядов камышом и плотно обшито сукном. На этой утолщённой ручке на трёх парах медных державок намотаны сатурновые лески разных цветов. На концах лесок привязаны особые металлические блесны: одна жёлтая из латуни, другая белая из нержавеющей стали и третья из красной меди, длиною каждая сантиметра по три.

Были они похожи на чуть выгнутых рыбок-мальков, в головках которых чуть заметно торчали крючки, обвязанные красной гарусинкой. Это были уральские самотрясы, на которые рыбачат без всякой насадки. К тонкой вершинке удочки прикреплена пружинка для закрепления лесы.

Ефим был в восторге от этой миниатюрной удочки. Она была легка, удобна для держания и даже красива: на ручке блестят самотрясы, рядами лежит цветной сатурн, вершинка стройна и гибка. Но мальчик потратил целую неделю на то, чтобы сделать такую же для себя, причём блесны-самотрясы сделал отец.

В большой стеклянной банке с водой Ефим проверил, как играют и посверкивают его самотрясы. Быстро опускаемый в воду самотряс был похож на стремительно проплывающую рыбку. Такие самотрясы могли вполне обмануть окуней, на ловлю которых рассчитывали наши рыболовы. И Ефим уже представлял себе, как крупный хищник, соблазнённый пробегающей «рыбкой», бросится, схватит её и... окажется на остром крючке.

Для продалбливания льда отец приспособил сыну большое долото, насадив его на метровый берёзовый черен. Нашлась у отца и лишняя шабалочка для выгребания льда из прорубки. Для сидения, складывания снасти и рыбы мальчик решил взять санки, обшив их фанерой.

— Молодец!— похвалил Степан Егорович сына, осмотрев его

рыболовные снасти.— И стежёные штаны, и рукавицы мама тебе сшила тёплые, мороз не проберёт.

И вот настал долгожданный день.

Ефим прибежал с улицы запыхавшийся, с задорно сверкающими глазами.

— Пруд застыл, папа! Можно рыбачить!

— Экий ты торопыга,— сказал Степан Егорович.— Если по такому льду пойти на пруд, то не мы будем окуней выуживать, а нас с тобой придётся кому-то вытаскивать. Лёд держит только у берегов, а сунься-ка подальше... Нет, раньше воскресенья я рыбачить не пойду.

Прошло два томительных дня. Раньше всех проснулся в воскресенье, конечно, нетерпеливый рыболов. Плотно закусив, отец и сын вышли из дома. Ефим шёл впереди и первым вышел на чуть запорошенный лёд.

Начинался медленный зимний рассвет. Лёгкий ветерок тянул с юго-запада, и пушистый снежок струился длинными прядями то под ноги Ефиму, то, словно пугаясь, обегал его по сторонам. На длинной бечёвке за мальчиком легко скользили санки с его собственной рыболовной снастью.

Вдруг лёд под ногами угрожающе затрещал, Ефим, не помня себя, кинулся обратно к отцу.

— Не подходи ко мне! — крикнул Степан Егорович, обопрись руками за санки и медленно иди к берегу.

Сам Степан Егорович пошёл первым, пробуя молодой лёд перед собой.

— Ну что — струхнул? Мы с тобой попали на речное русло,— объяснял отец.— На таких местах лёд намерзает медленнее.

Отойдя от опасного места и оправившись от испуга, Ефим всё же не стал обгонять отца.

Перед рыбаками раскинулись просторы зимнего молчаливого пруда. Слева тянулась широкая пойма со стогами сена и прибрежными тростниковыми зарослями, а правый далёкий берег был окутан в лёгкую опаловую дымку, сквозь которую виднелась огромная грузовая станция города — Сортировочная.

— Папа, а острова стоят словно серебряные,— крикнул Ефим, любуясь их сказочной красотой.— А где ты думаешь рыбачить?

— Дойдём до Весёлого и попробуем. Там травы, и рыба должна сейчас быть.

Миновав острова Шибур и Липовый, они увидели около Весёлого двух рыбаков. Ефим заторопился:

— Уже рыбачат, папа!

— Нашу рыбу не поймают, она чувствует, что за ней идёт молодой рыбачок,— пошутил отец.— Клёв на уду! — крикнул он, проходя вблизи одного из рыбаков.

— Спасибо...— донеслось в ответ.

— Ну давай, Ефим, попытаем и мы своё счастье. Смотри, как надо продалбливать рыбацкие прорубки-лунки.

Точными и энергичными ударами пешни он очень быстро пробил в тонком льду ряд круглых с блюдце лунок в нескольких метрах друг от друга.

У Ефима пешня не слушалась, вихлялась, жало долота тыкалось в разные стороны, а раз даже ткнулось в бок валенка, и только толщина валенка и слабый удар спасли ногу от ранения. Хотя лёд намёрз не более 6—7 сантиметров, мальчик мучился над первой лункой минут десять. Но, наловчившись, другие лунки он пробил гораздо быстрее.

Степан Егорович, очистив шабалкой одну из своих прорубок, подозвал сына.

— Примечай, как надо орудовать самотрясом,— и, размотав лесу, медленно опустил металлическую рыбку в воду.— Это мы с тобой намерялись,— сказал он, когда самотряс достиг дна и перестал утягивать за собой лесу.

Закрепив лесу в прутике, Степан Егорович резко приподнял конец удочки над лункой сантиметров на тридцать и так же резко опустил его к воде. Дужка лапки с пружинкой качнулась книзу, приподнялась и замерла. Такое вскидывание концом удочки он производил через каждые три-четыре секунды.

— Когда я быстро опускаю лесу,— объяснял отец,— я даю самотрясу волю, и, помнишь, как в банке, он бросается в воде в какую-либо сторону. Окуня соблазняет лакомая добыча, он хватает коварную «рыбёшку» и... сам становится моей добычей. С этими словами отец тронул удочку, и из лунки словно выпрыгнул обманутый хищник.— Во, видал?

Ефим побежал к своим лункам и стал приноравливаться к необыкновенному ужению. Дело это было не таким простым, как казалось со стороны: леса при встряхивании то запутывалась на конце удочки, то цеплялась за льдинки, пристывшие к краям лунки. Нарушался ритм вскидывания удочки, и разгорячённый Ефим не заметил, когда попался ему на самотряс первый окунь. Тащил он его тяжело и чуть не закричал отца. Дойдя до ледяного окошечка, окунь бросился в сторону, и мальчик его выволок только благодаря крепкой сатурновой лесе.

Второй окунь клюнул уже по всем правилам: Ефим видел, как резко качнулась пружинка, подсек окуня во-время и вытянул, не дав ему очухаться.

Удить на самотряс Ефиму понравилось. Не надо было снимать и надевать рукавицы, чтобы насадить на крючок приманку: ходи от прорубки к прорубке, сиди и тряси. Поймал, снял и снова тряси. «Даже смешно — до чего это просто»,— думал Ефим.

— Папа! — то и дело кричал счастливый мальчуган, показывая отцу очередную выуженную рыбу.

Попали рыбаки на хорошее место, и к тому же у рыбы, как говорят рыболовы, был «жор», и окунь садился на самотряс безотказно.

Время бежало совсем незаметно, и только заводский гудок напомнил, что уже два часа, да и окуни стали клевать реже и ленивей.

— Давай-ка, дорогой сынок, домой собираться,— сказал отец, подходя к Ефиму.— Ну, каков твой улов?

Ефим вытряхнул рыбу из санок, и его глаза гордо засияли. На льду лежала порядочная кучка краснопёрой красивой рыбы. Оказалось сорок семь окуней.

У отца улов был гораздо больше, но сын не сожалел, что нарыбачил меньше. Он радовался тому, что побывал на зимней рыбалке и для первого раза очень удачно.

— В другой раз ты, пожалуй, опять меня перещеголяешь,— сказал одобрительно Степан Егорович.

Эти слова были большой похвалой для Ефима, и на обратном пути он рассказывал отцу, как выуживал каждого окуня.

Но вот и берег родного ВИЗ'а, до мелочей знакомая улица и около дома товарищи, играющие в хоккей.

— О, ребята, рыбак шествует! — закричали они, заметив гордо шагавшего Ефима.— Рыбу удил, ворону поймал.

— Приходите уху кушать,— с достоинством ответил мальчик, показывая озадаченным друзьям свой улов.

— Если не врёшь, то здорово.

— Чего же мне врать. Вот папа видел, как я их... Пойдёмте, я и вас научу.

Мать не усомнилась в успехе сына. По летней рыбалке она знала, что он рыболов толковый.

Из выуженной Ефимом рыбы была сварена с лавровым листом и луком большая кастрюля чудесной ухи. Ни с чем не сравнимый аромат её заполнил всю квартиру. Пришли закадычные друзья Ефима на званую уху, и вскоре все с аппетитом ели окунёвую уху. А Ефим, не отставая от них, успевал рассказывать:

— .... А вот этого пузана как я подсек!...

СКАЗАНИЕ О ТАВАТУЕ

Л. Фёдоров *Рисунки Е. Гилёвой*

Поезд мчался сквозь снежную пургу. Мерно постукивали колёса. За оттаявшим окном мелькали заснеженные сосны и побелевшие от снега гранитные скалы.

Мой спутник, студент-практикант Костя Званцев, не отрывался от окна, всматриваясь в крутящиеся снежные вихри.

Наш путь лежал на озеро Таватуй. Там мы должны были провести некоторые наблюдения, проверить, насколько озеро и берега его заносятся снегом.

Время в пути прошло незаметно. На маленькой железнодорожной станции Таватуй мы вышли из вагона и, закинув за плечи инструменты и мешки, отправились в дорогу.

Через два часа, продрогшие и замёрзшие, мы сидели в избушке деда Анисифора, старого таватуйского кузнеца, и пили горячий чай.

Отдохнув и согревшись, мы занялись проверкой полевых книжек и инструментов. На другой день предстояло обследовать площадку.

Неожиданно Костя обратился ко мне:

— Леонид Александрович! Что значит слово «Таватуй»?

— На языке манси, Костя,— ответил я,— «ва» обозначает воду, а «туй»— путь, дорогу. Вот и выходит «водный путь», а что обозначает

первый слог, я не мог выяснить. В прошлом году рылся в архиве краеведческого музея, но так и не добился, что же это за «та».

Тут в разговор вступил дед Анисифор:

— Я ещё мальчонком был, работали мы в ту пору в кузне вдвоём с отцом. Ну и зашёл как-то к нам охотник манси. Замок, вишь, у его ружьишка попортился, а охотнику без ружья, известно, что за жизнь? Очень хвалил он наше озеро. Говорил, большая сила скрыта в нём, и лежит эта сила, пока спит Таватуй, а проснётся — тут и раскроется она. Рассказал он нам в кузне сказку одну. Дескать, от дедов слышал!

И дед Анисифор передал нам легенду, слышанную в детстве от старого охотника.

...— Давно это было, так давно, что на этих горах с тех пор сто раз вырастал новый лес, а старый валился и сгнивал. Жило тогда в этих местах племя, что имело тамгу[1] с изображением филина, и было оно так же мудро и зорко, как эта ночная птица.

Молодые охотники племени были сильны и смелы, старики — мудры, а девушки — красивы. Но краше всех была дочь старого Тошема — красавица Нейва. Было у старика двое сыновей, но старший погиб в схватке с медведем, а младший не вернулся с гор, куда ушёл добывать белку. И остался старик с дочкой Нейвой. Незаметно выросла девушка, расцвела, как лесной цветок.

И хороша же была она! Тонкая да стройная, как молодая рябинка, радовала она глаза всем — и старым, и молодым.

Много охотников приходило к её отцу, предлагая за неё богатый выкуп. Но качал головой старый Тошем и отсылал их к дочери: пусть сама выбирает. Единственной радостью его была красавица-дочка, и не хотел он видеть её женой нелюбимого человека.

А Нейва в ответ парням, как и отец, качала головой и смеялась, и смех её был, как журчание лесного ключа. За этот смех и звали её Нейвой.

И только один молодой охотник, смелый и отважный Таватуй, не был с поклоном у Тошема.

Ещё только двадцать зим видели его глаза, а был он могуч и силён, как лось, один на один выходил на медведя. Копьё, брошенное его рукой, летело на сорок локтей дальше, чем мог забросить самый сильный охотник племени, и стрела его не знала промаха.

Но сердцем Таватуй был прост, как ребёнок, и хоть слушали его советы старики, и был он опытен в бою и охоте, но карие глаза Нейвы

---

[1] Тамга — клеймо, знак.

не взволновали его кровь. Видел он в красавице-девушке подругу детских игр и не замечал, что выросла она. Как в детстве, при встрече с ней, он со смехом высыпал ей на колени гроздья рябины для бус или дарил пойманную белку. А девушка, встретив его взгляд, смущалась, и бронзовые щёчки её румянились. Но ничего не замечал молодой охотник.

Шло время, племя кочевало по дремучим лесам, било зверя и ловило в озёрах рыбу. По вечерам у костров молодёжь пела песни или слушала рассказы стариков. Ничто не нарушало мирной жизни лесных охотников до поры, пока не стали приходить тревожные слухи о том, что будто бы пришли с востока в озёрную долину воинственные люди: смуглые, верхом на быстроногих конях, с болтающимися на копьях конскими хвостами. Жгли и сметали они на своём пути лёгкие жилища охотников. Детям разбивали головы о камни, мучили и убивали женщин, а мужчин угоняли в рабство.

Страх и тревога овладели племенем. День и ночь сидели старики у костров, придумывая, как избежать великой беды. А когда стали приходить спасшиеся от пришельцев, израненные, истекающие кровью люди, отдал шаман приказ уходить в горы, покрытые непроходимым лесом.

Но возмутился молодой Таватуй. С гневом ударил он палицей по костру, так, что брызнули в разные стороны огненные снопы, и, вскочив на ноги, проклял трусливого шамана.

Долго и горячо говорил молодой охотник, убеждая, что лучше погибнуть в бою, чем вечно жить в рабстве. Горы не спасут, враг настигнет и там, и больше уходить будет некуда.

Звучали в его словах такая сила и правда, что все, как один, схватив оружие, стали готовиться к бою.

Напрасно пытался шаман убедить их в бесполезности сопротивления, все с презрением отвернулись от него. И только тут понял злобный старик, как призрачна была его власть над людьми. Вскочив на оленя, ринулся он в чащу, пытаясь изменой купить себе жизнь.

Грозно пропела тетива в руках Таватуя, и, хватая воздух скрюченными пальцами, рухнул в болото предатель.

Быстро приготовились воины к встрече незванных гостей и в ожидании боя проверяли оружие.

Молча стоял молодой охотник у обросшего мхом огромного кедра, чутко прислушиваясь к долетавшим издалека крикам приближающихся врагов. Лёгкое прикосновение заставило его обернуться. Перед ним стояла Нейва с крепким отцовским луком в руках. И было в её глазах столько любви и отваги, что дрогнуло сердце юноши. Обнял он смутив-

шуюся девушку и крепко поцеловал её. В эту минуту из-за кустов появились враги. Оттолкнув Нейву, бросился Таватуй в бой.

Один за другим налетали визжавшие враги и, как подкошенные, валились под могучими ударами Таватуя. С тонким свистом настигала свою жертву стрела Нейвы. Храбро сражались охотники.

С восхода солнца и до заката длилась битва. Стаи чёрных воронов, привлечённые запахом крови, вились над местом боя в ожидании богатой поживы.

Стали редеть ряды охотников. Вот с разбитой головой упал старый Тошем. Пронзённый копьём, повалился лучший певец и плясун Кослоп. То один, то другой молча или со стоном падали друзья Таватуя. А он, объятый великим гневом, бился с врагами.

Вдребезги разлетелось его копьё от удара меча, лопнула тетива у лука, и бился он тяжёлой палицей. С бешенством, потрясая копьями, лезли на него пришельцы и с проклятиями падали под его ударами.

Покрытый своей и вражеской кровью, страшен был Таватуй. С небольшой горсткой бойцов стоял он на своей земле, защищая свою честь и свободу, честь и свободу родного племени.

Но когда, наконец, дрогнули и обратились в бегство жалкие остатки пришельцев, зашатался могучий Таватуй. Вытер он залитые кровью глаза и, радостно улыбнувшись, упал на истоптанную землю.

С ужасом увидела Нейва смерть Таватуя. Полились из её затуманенных глаз слёзы, и лились так сильно, что слезами её наполнилась долина. Стало на этом месте озеро и скрыло на дне могучего Таватуя.

А красавица Нейва бросилась со скалы и, ударившись об острые камни, превратилась в прекрасную речку. С тихим журчанием потекла она по земле, чтобы рассказать о великой победе и о геройской смерти молодого охотника.

Долго пролежали мы с Костей без сна под впечатлением прекрасной легенды.

Сотканный народной фантазией образ могучего Таватуя усиливал для нас суровую красоту горного озера, на берегах которого трудятся советские люди, полные неукротимой воли и жажды труда. Проснулся Таватуй после векового сна и с радостью отдаёт этим людям свои неиссякаемые силы.

Расцветает чудесный наш край. Раскрылась великая, необоримая сила народная. И прекрасны вокруг дела прекрасных сынов советского народа...

*

Красивые буквы

В. Налобина

Мама внимательно просмотрела школьную тетрадку Вали и огорчённо сказала:

— Валя, у тебя по письму опять четвёрка... Смотри, как некрасиво ты стала писать.

— Если я не могу лучше,— оправдывалась Валя.

— Ты даже в первом классе писала лучше. Что это за буква? Какая-то закорючка.

— Что ты, мама... Как это я могла в первом классе лучше писать, чем в третьем!

Девочка покраснела. В глазах её мелькнула обида. До чего мама любит придираться.

— Придётся тебе каждый день писать диктант и буквы. Возьми бумагу...

Валя с большим трудом написала правильно букву «А». Но её терпения хватило ненадолго. На второй строчке она заторопилась, заспешила, начала беспрестанно макать перо и заполнять листок жирными, неряшливыми буквами.

— Вот видишь, ты можешь писать хорошо,— указала мама на первую строчку.— Но не хочешь набраться терпения. Она подошла к столу, открыла нижний ящик и достала из него старую Валину тетрадь.

— Смотри, Валя, как у тебя хорошо получалось в первом классе,— сказала она и положила рядом с новой старую тетрадь.

— Нисколько не лучше,— упрямо ответила Валя.— Это просто разная бумага.

Мать позвала бабушку и соседку, тётю Клаву. Они охотно подтвердили:

— Конечно, лучше.

— Чище, красивее.

— Неправда, совсем неправда,— твердила Валя.

Она сама не могла поверить тому, что стала писать хуже. Ведь она гордилась тем, что так легко и быстро исполняла уроки.

Прошла неделя. Каждый день мама выкраивала часок времени и заставляла Валю писать красивые буквы и цифры. Но успехи были невелики. Занимаясь с мамой, Валя писала чище. Но в тетрадях оставалась прежняя неряшливость.

Однажды Юлия Дмитриевна, учительница, тоже сказала Вале о почерке:

— Валя, ведь ты не придёшь в школу с грязным воротничком. Так разве тебе не стыдно приносить мне грязную тетрадь?

— Я стараюсь, но не могу,— оправдывалась девочка.

Учительница посмотрела на неё строгими, добрыми глазами.

— Тебе легко даётся ученье, а хорошо писать ты ленишься. Возьми себя в руки.

Валя виновато опустила голову.

Мама уехала в командировку.

У Вали, пока мамы не было дома, произошло большое событие. Она решила вступить в пионеры.

Вся школа готовилась к торжественному сбору.

Вожатая школы, Аня Шустова, собрала девочек, вступающих в пионеры, для беседы. Аня говорила, смеясь, и на её щеках то появлялись, то исчезали ямочки. Это сразу понравилось будущим пионеркам. Они внимательно слушали то, что она говорила.

Аня стала серьёзной.

— Девочки, вы вступаете в пионеры. А это значит, вы хотите активно помогать папам и мамам строить коммунизм. Что же мы ещё пока можем сделать? Самое первое, это отлично учиться. У вас нет троек. Но ведь этого мало. Пионер — это идущий впереди других. Это тот, кто не успокаивается на достигнутом. У вас у многих есть одни четвёрки. Надо добиться отличных оценок. Этим вы оправдаете звание пионера. Этого от нас ждёт Родина.

Валя сидела потупившись. Её лицо раскраснелось. Ей каза-

лось, что Аня всё это говорит о ней. О её четвёрке по русскому языку.

Вечером Валя старательно переписывала слова пионерской клятвы. Её рука сама выводила красивые буквы. Потом она запоминала клятву наизусть.

Бабушка шила Вале новую блузку. А в шкафу лежал новый красный галстук.

В воскресенье в Дворце пионеров был торжественный сбор. Валя вместе с девочками стояла на большой сцене и давала клятву. А когда на них надели галстуки, вся сцена заалела, как поле красных маков. Девочки запели пионерский гимн.

Звонкие, чистые голоса дружной волной неслись над залом. У Вали сильно билось сердце. Ей захотелось немедленно сделать что-то большое, хорошее.

По дороге домой она думала о своём почерке, о единственной четвёрке, которая мешала ей стать отличницей. Вспомнила, как мама помогала ей писать красиво и как она не хотела исправить почерк. Вспомнила слова учительницы, и ей стало стыдно за себя. Уже дома, снимая пальто, Валя твёрдо решила: «Честное пионерское, у меня не должно быть больше этой четвёрки!»

Теперь по вечерам, хотя мамы и не было дома, Валя сама садилась за тетрадь и старательно выполняла домашние задания, выписывая каждую букву.

Однажды она позвала бабушку.

— Бабуся, посмотри, как у меня получилось?

Бабушка вошла, надела очки, посмотрела и недоверчиво спросила:

— Да ты ли это писала?

Валя счастливо заулыбалась.

— Я. Я сама... сейчас...

Но вот, наконец, вернулась мама, и Валя с гордостью показала ей тетрадь по русскому языку, где стояли пятёрки.

Мать взглянула на пионерский галстук, на значок, блестевший на фартуке дочери, и чему-то ласково улыбнулась.

*

О. Старостина *Рисунок Е. Гилёвой*

Нынче раньше всех ребят
Мы явились в детский сад,
Потому что в группе нашей
Мы дежурные с Аркашей.

Мы трудились, как могли,
Тёте Сане помогли:

В ящиках горох полили,
Черепаху накормили,
Вычистили клетку белки,
Сухо вытерли тарелки.

И столы накрыли сами
Мы одни, без тёти Сани!

На занятии тетрадки
Всем раздали по порядку.
В шкаф убрали клей и краски,
Мыли кисточки и чашки.

Незаметно день прошёл.
Так дежурить хорошо!

*

Две сестрички

Сказка

Л. Преображенская *Рисунки Е. Гилёвой*

Жили-были в одной деревне две сестрички. Обе беленькие, обе курносенькие, обе голубоглазенькие, обе с косичками,— ну, точь-в-точь, как одна, никак сразу и не различишь. Даже родная мама часто путала, которая из них Маня, которая — Саня. Скажет, бывало:

— Саня, дочка, принеси-ка мне ведёрко водички!

Девочка вприпрыжку ведёрко тащит. Тут только мама и догадается, что это не Саня, а Маня, потому что Маня была работящая да послушная, а Саня — ленивица.

Вот однажды собрались мама с отцом в город, а сестрички — в слёзы: возьмите, мол, и нас с собой. Мама и говорит:

— Нельзя всем уезжать, кому-нибудь надо дома остаться. Побудь ты, Саня, дома, а Маня с нами поедет. В следующий раз тебя возьмём.

Саня, конечно, и слышать не хочет о том, чтобы ей оставаться первой. Ну, а Маня, уступчивая да послушная, сразу согласилась.

Мама, отец и Саня уехали вечером. Пора Мане спать ложиться. Приготовила она постель, разделась и — под одеяло. Кот Васька тут как тут. Прилёг рядышком, сказки рассказывает. Жучка у двери растянулась. Глаза закрыла, одно ухо опусти-

ла,— Васькину сказку слушает, другое подняла —слушает, не идёт ли кто, не стоит ли полаять. Хорошо Мане, спокойно!

Утром, чуть свет, слышит Маня сквозь сон: стучит кто-то в окно. Открыла она глаза, смотрит: корова Бурёнка под окном стоит.

— Что тебе, коровушка Бурёнушка, милая — ласково спрашивает Маня.

— Вынеси мне, девочка, пойла ведёрко, напой да к пастуху отведи, а я тебе за это молока вкусного, парного дам.

— Сейчас, сейчас, Бурёнушка,— заторопилась Маня. Вскочила, оделась, умылась, пойло приготовила, даже отрубями посыпать не забыла и Бурёнке вынесла.

Без передышки выпила пойло Бурёнка, языком утёрлась.

— Спасибо,— говорит,— девочка! Вкусно приготовила, получай молоко, кушай на здоровье!

Дала она Мане молока много-много. Поблагодарила её Маня и повела к пастуху. Бежит обратно, песенку распевает. Вдруг прямо под ноги ей курица Пеструшка, квохчет просительно:

— Вынеси ты мне пшена горсточку. Я тебе за это яичко дам.

— Ах, Пеструшечка, милая!— говорит Маня,— да я и так тебя накормлю, ничего мне не нужно.

Накормила, напоила она курицу. Та даже хохолок распушила от удовольствия и повела девочку к своему гнезду. В гнезде яиц целый десяток да все крупные, белые, свежие.

— Бери,— говорит Пеструшка,— сколько хочешь.

Поблагодарила курицу Маня, унесла яйца домой. Села завтракать, а Жучка с Васькой рядом сидят, умильно на неё посматривают. Накормила их девочка и сама наелась досыта. Всё прибрала, подмела и на огород пошла — капусту поливать. Так в труде и хлопотах незаметно и день прошёл. Приехали родители, а у Мани всё в порядке, всё сделано. И Бурёнка с Пеструшкой, и сама Маня — все сыты и довольны.

Похвалили её отец и мать:

— Вот молодец, дочка! Умница ты наша, хлопотунья!

Стали они собираться в следующий раз в город и говорят:

— Ну, поедем, дочка, с нами. А ты, Саня, теперь дома оставайся. Смотри, чтоб у тебя всё так же было хорошо, как у Мани.

Не хотелось Сане оставаться, да что поделаешь — пришлось. Уехали все. Пора спать ложиться, а Сане и постель себе приготовить неохота. Так, не раздеваясь, и свалилась она на постель. Кот Васька даже недоволен остался, сказки не стал рассказывать, а Жучка под скамейку забилась.

Вот утром, чуть свет, слышит Саня сквозь сон: стучит кто-то в окно. Открыла она правый глаз, видит, стоит Бурёнка у окна, просит:

— Вынеси мне пойла ведёрко, напой меня да к пастуху отведи. Я тебе за это молока вкусного, парного дам.

А Сане вставать неохота, она и говорит:

— Пошла прочь, Бурёнка, не мешай мне спать. Иди на речку, воды напейся да сама к пастуху иди.

Повернулась девочка на другой бок и опять захрапела. У-ух и рассердилась же на неё Бурёнка! Рогом погрозила, хвостом махнула и убежала на речку.

А Саня-ленивица спит да спит. Вдруг опять она слышит сквозь сон: постукивает кто-то в стекло. Открыла левый глаз, видит: сидит под окном на завалинке курица Пеструшка.

— Ну, что ты мне спать мешаешь? — говорит недовольно Саня, а Пеструшка просит:

— Вынеси мне пшена горсточку да воды чашечку, я тебе за это яйцо снесу.

— Вот ещё, очень мне нужно. Уходи прочь, я спать хочу.

Рассердилась курица, закудахтала и прочь полетела.

Давно все в деревне встали, за работу принялись. Только ленивица всё в постели нежится, сны досматривает. Так и провалялась она почти весь день. Заспанная, неумытая встала, хотела

поесть, а поесть-то и нечего, кроме чёрствого хлеба. Увидела в окно Пеструшку, крикнула:

— Дай мне, Пеструшка, яичко. Я есть хочу.

— Как бы не так,— отвечает ей та,— ты мне пшена не дала, а я тебе яичко дай? Нет уж, не жди от меня ничего.

Приуныла девочка. Тут как раз Бурёнка с поля идёт.

— Дай мне, Бурёнушка, молочка немножко,— просит ленивица.

Не хочет ей Бурёнка молока дать, рогами сердито мотает.

— Ты мне пойла не дала,— я тебе молока не дам.

Взяла Саня с горя чёрствую корку, жуёт. Кот с собакой прибежали, посматривают на неё умильно, говорят:

— Накорми нас, Саня.

Затопала Саня на них, закричала:

— Вот ещё пристали! Мне самой есть нечего.

— Ладно же, вспомнишь ты нас,— сказала Жучка и убежала. За ней следом и Васька был таков.

Прослонялась Саня остаток дня из угла в угол да так голодная и спать легла. Только не спится ей с голоду. Тут ещё и страх берёт. Мыши из нор повыходили, на Саню внимания не обращают, радуются: нет, мол, сегодня страшного кота Васьки. Гуляйте, подружки, веселитесь! За окнами всё будто кто-то ходит, а Жучки тоже нет — убежала.

Приехали утром домой отец с матерью, посмотрели на дочку, на беспорядок в доме, головой покачали. Мама сказала:

— Придётся, верно, ещё раз тебя одну дома оставить, чтоб ты научилась хозяйничать.

Совсем Саня слезами залилась, закричала:

— Ой, всё буду делать, только одну не оставляйте.

Тут уж мама засмеялась:

— Если не будешь работы бояться, так и одной остаться не страшно будет.

И верно, с той поры стала Саня прилежной, аккуратной, наперебой с Маней хозяйничает.

Если не верите, ребята, приезжайте в эту деревню, посмотрите на двух сестричек. А если хотите знать, которая из них Маня, которая Саня, так я вам скажу: Маня в красном платье, а Саня — в синем. Это мама придумала, чтобы различать их. Так их теперь только по платью и узнают.

*

Ф. Тарханеев *Рисунки В. Воловича*

ДУПЛЯНОЧКА

Весна на Урале наступила ранняя. В конце апреля от снега не осталось и следа, появились перелётные птицы, и началось их гнездование.

В полдень ясного апрельского дня шёл я с ружьём по берегу речки Шумихи. Она по-весеннему широко разлилась и местами подошла к самой кромке соснового леса.

Горячее солнце крепко пригревало землю. Утомлённый пройдённым путём, я решил отдохнуть и присел на ствол лежавшей толстой сухары.

Природа уже просыпалась. На берёзах налились почки. Верба стояла в золотистых цветочках. На пойменных кочках появилась яркозелёная узколистая осока. Внимание моё привлекла сухая осина, стоявшая рядом. Ствол её во многих местах был продырявлен дятлами, ближе к верхушке виднелось широкое отверстие.

— Уж не пчёлы ли,— подумал я и осторожно постучал по дереву. Неожиданно надо мной послышался шорох, и из отверстия высунулась утиная голова. Секунду утка оставалась не-

подвижной, затем, мотнув головой, быстро выпорхнула из дупла и, шумно плеснув воду, поплыла по речке.

Это была дикая утка-гоглюшка из породы нырковых. Я поднялся на сухару и заглянул в дупло: там оказалось утиное гнездо, и в нём восемь свежих яиц. Это меня несказанно удивило: нырковая утка почти не ходит по суше, и вдруг гнездо в дупле на высоте двух метров от земли!

Первое время я стеснялся рассказать об этой встрече опытным охотникам. Засмеют, если скажу, что в дупле гоголь парит.

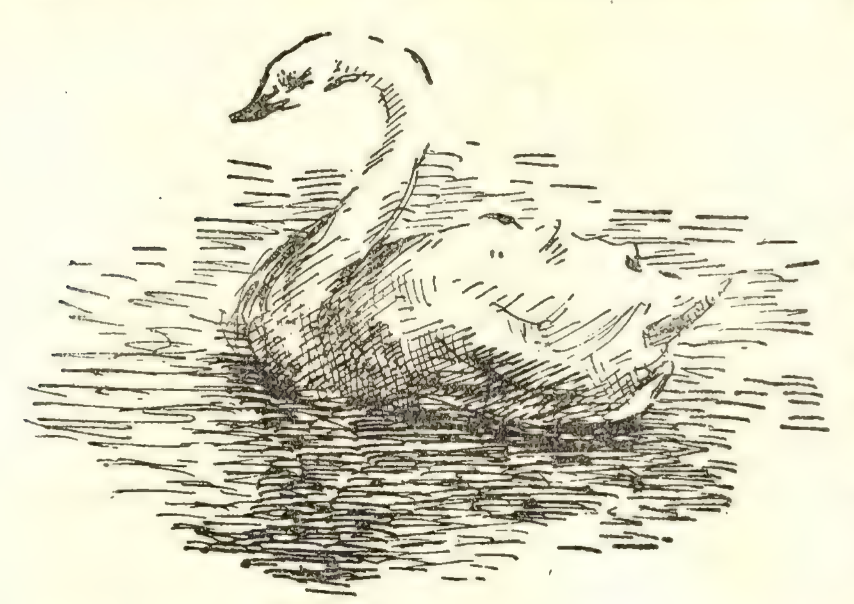
Однако оказалось всё иначе. Знаток птиц, Евсей Михайлович, рассказал мне, что из семейства утиных только гоглюшка делает гнездо в дуплах дерева, а птенцов, как только они выйдут, в клюве опускает на воду.

После этого я так и прозвал эту утку: дупляночка.

ЛЕБЕДИ

Однажды ранним майским утром я сидел на берегу большого пруда и любовался восходом солнца. Оно поднималось из-за

дальней горы, яркомалиновое, ещё холодное. Под его лучами вода словно задремала, подёрнувшись розоватой дымкой.

Метрах в двухстах от берега находился каменный островок. Он был похож на риф в море: из воды как бы выглядывало несколько камней. Охотники и рыбаки называли островок лебяжьим. Сюда аккуратно каждую весну прилетали лебеди выводить птенцов. Жители не тревожили красивых птиц. Мне ещё не доводилось видеть лебедей, и я так и ахнул от восторга, когда из-за островка выплыл, купаясь в лучах солнца, белоснежный красавец. Он мелодично тихо курлыкал. С островка раздавалось ответное курлыканье. Видимо, там сидела на гнезде лебёдка.

Я долго любовался мирно плавающим лебедем и красотой утра.

Вдруг лебедь тревожно закричал. В ту же минуту лебёдка соскользнула к нему на воду.

Я удивлённо посмотрел по сторонам. Что могло потревожить лебедей? Вокруг тишина, на воде никого не было. Что испугало птиц? А они, тревожно перекликаясь, плавали около гнезда.

Прошло около часа. Птицы как будто успокоились: лебёдка села на гнездо, а лебедь шумно снялся с воды и полетел к берегу. Через несколько минут он вернулся с сухой веткой в клюве. Плеснув воду, он сел рядом с гнездом: тотчас лебёдка спустилась на воду. Они засуетились у гнезда, видимо, укладывая принесённую ветку. Вскоре лебедь снова улетел.

Как только он приносил сухую ветку, птицы укладывали её в гнездо. И снова одна из них оставалась у гнезда, а другая летела за следующей веткой.

В это время приехал в лодке мой приятель, рыбак Лёвушка.

— Здорово живёшь!— приветствовал он меня.— На природу любуешься?— Он вздохнул, положил весло и вылез из лодки.

— Не понимаю, что лебеди делают,— кивнул я на птиц.

Старик приложил ко лбу руку лодочкой и внимательно стал смотреть на островок. В это время лебедь принёс новую ветку.

— Гляди-ка, строители, а? Ты знаешь, что они делают? Они от воды потомство спасают. К жизни любовь имеют.

Лёвушка ласково улыбнулся и сел около костра.

— Да, да,— проговорил он, заметив мой недоверчивый взгляд.

— Вчера заводскую плотину закрыли, в пруду воду копят. И вода-то медленно прибывает, не более полвершка в сутки, а птицы заметили. Вот гнёзда и поднимают, потомство будущее спасают. Всякая живая тварь жизнь любит. После посмотрим, что они делают, а сейчас беспокоить не стоит, да и опасно: лебедь у гнезда-то и ушибить может.

Прошло около месяца. Однажды, проплывая на лодке мимо лебяжьего острова, я вспомнил о птицах. Осторожно причалив лодку к камням, я увидел простенькое лебединое гнездо, довольно искусно сделанное из сухих веток. В середине оно было выстлано лебяжьим пухом. Сейчас гнездо пустовало. Лишь несколько яичных скорлупок свидетельствовали о том, что лебедята выпарены, и старики увели их в камыши. Осматривая гнездо, я убедился, что лебеди действительно поднимали его. Ветки, подсунутые позднее, хотя и укладывались аккуратно, но концы их торчали. Гнездо было значительно поднято над водой.

ДРУЗЬЯ

Поздним осенним вечером пробирались мы с охотником Матвеичем по глухой уральской тайге.

— Ну, друг, пора на ночлег устраиваться,— посматривая на темнеющее небо, проговорил Матвеич.— Избушек здесь нет и от жилья далеко... Ну да, ничего, ночи-то ещё не очень холодные и дров здесь хватит,— улыбнулся старик:— А вот и ключик горный, вот у сосны и ночуем.

Мы подошли к могучей сосне, высоко поднявшей над нами свою крону. Матвеич скинул куртку и прислонил к дереву своё ружьё.

— Пойдём дров на ночь заготавливать,— предложил он и, вытащив из-за пояса топорик, тронулся по кромке бора.

— Вот сухара. Одной на ночь хватит.

Матвеич стукнул обушком топора по стволу дерева. Вдруг

из дупла дерева вылетела маленькая птичка, за ней вторая, третья,— целый рой, словно осы.

Птички были пепельного цвета, с чёрненькими колпачками на головках, с беленькими щёчками и бисеринками-глазками.

— Слепышки это, коллективщики,— засмеялся Матвеич, постукивая обушком по сухаре.—Они десятка по два—роем живут и весной парят, как ласточки, колониями. А зимой залетят в дупло дерева и отверстие мохом заткнут, чтобы теплее было. Дружат слепышки с рябчиками. Вот утром около этих мест рябчиков найдём.— Заметив мой недоверчивый взгляд, Матвеич усмехнулся.

— Рябчик — он тоже занятный,— закуривая маленькую корешковую трубочку, продолжал Матвеич.— Рябчик в пере родится. От пёрышек ещё скорлупки не отпали, а он уже летает. Рябчик — птица большая (больше голубя), а пищит, как мышь-полевка, вроде слепышка, поэтому они и дружат. Разговоры у них сходны. А вот почему слепышком зовут эту птичку, не знаю. Слепышок хорошо видит и слышит.

Утром, чуть рассвело, мы тронулись в лес. Не успели мы отойти и ста метров, как спугнули выводок рябчиков.

— Что говорил я тебе?— торжествовал Матвеич. Он вытащил из кармана манок-пищик и тоненьким свистом начал манить рябчиков. Тотчас же к нам подлетели слепышки, а вдали отозвался рябчик.

— Вот видишь. Любят слепышки писк рябчиков. Одним словом — друзья они,— уверенно заключил Матвеич.

*

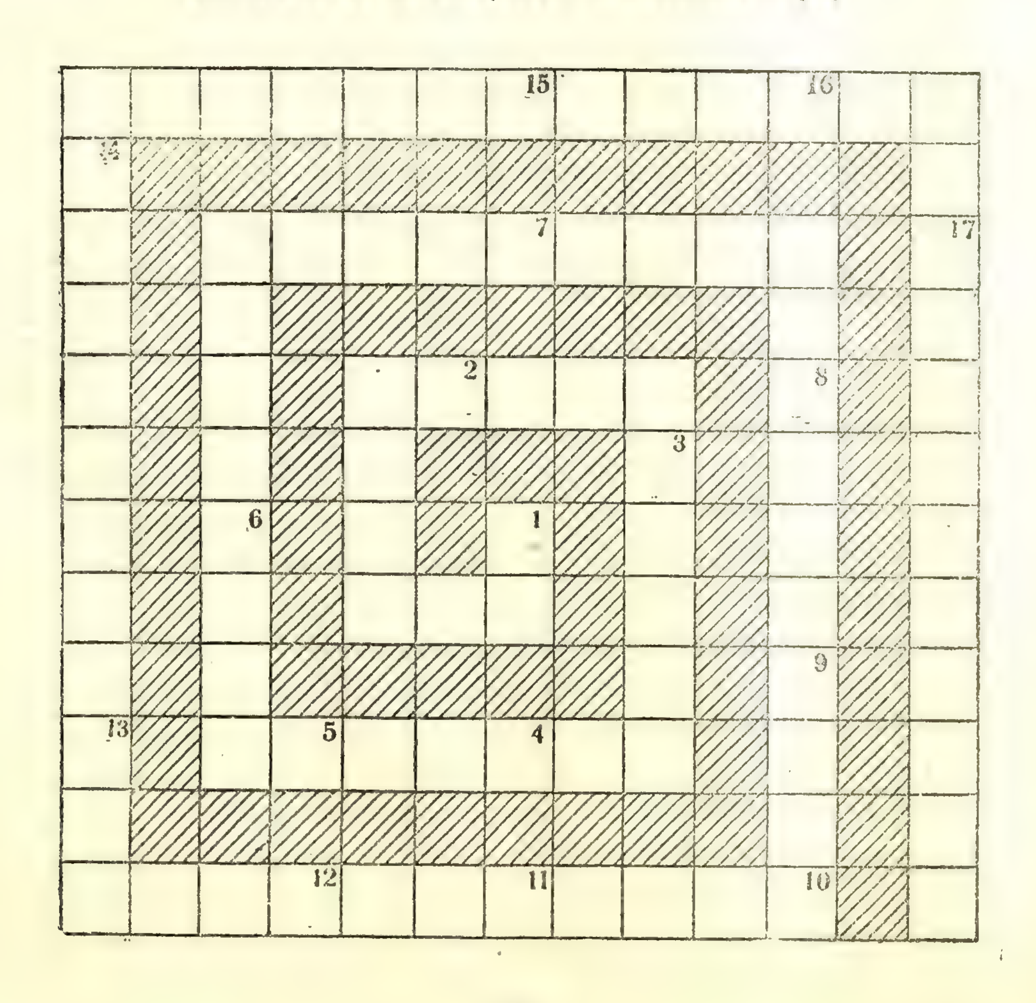
ИГРЫ

ПОСЛЕДНИЙ ВЫИГРЫВАЕТ

Выбрав литературное произведение, хорошо известное ребятам, водящий предлагает называть персонажей этого произведения. Каждый раз после того, как какой-нибудь персонаж назван, водящий медленно считает до трёх. Раньше чем он скажет «три», кто-нибудь из играющих должен назвать другой персонаж. Выигрывает тот, кто назовёт персонаж последним.

Можно провести эту игру иначе. Играющие должны говорить строки стихотворений или песен, начинающиеся с тех букв, которые назовёт водящий.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЧАЙНВОРД

1. Место сражения русских и французских армий в отечественную войну 1812 года.

2. Плата крепостного крестьянина помещику за пользование землёй.

3. Великий русский полководец.

4. Народное собрание в древнем Новгороде.

5. Завоеватель Сибири в XVI веке.

6. Место деятельности молодогвардейцев.

7. Русский флотоводец.

8. Крейсер — символ мужества русского флота.

9. Родина И. В. Сталина.

10. Газета, основанная В. И. Лениным в 1900 году.

11. Крепость в устье реки Дона, завоёванная Петром I.

12. Подчинённое, зависимое государство или лицо.

13. Город-герой Великой Отечественной войны.

14. Посол.

15. Лицо, насильственно захватившее власть.

16. Население, объединённое принадлежностью к одному государству.

17. Участники восстания 14 декабря 1825 года.

СХОДСТВО И ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЬ

Запишите столбиком слова:

дорога,
сырой,
ссора,
храбрый,
грусть,
лентяй,
тропинка,
овраг,
вихрь,
кудри,
талантливый.

Рядом с каждым словом надо написать другое, схожее с ним по смыслу, например: дорога — путь, сырой — влаж-

ный. Выигрывает тот, кто решит эту задачу скорей и точней, чем другие.

Можно сыграть иначе: написать слова и подбирать к каждому слову такое, которое по смыслу ему противоположно. Конечно, нельзя прибавить к слову отрицание «не» и думать, что задача решена.

Какие бы слова вы подобрали, скажем, к такому списку:

покой,
скупость,
рассвет,
приятный,
грубый,
рассеянный,
безобразие,
пресный,
тропический,
недостаток,
доблесть,
смелый?

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАГАДКИ И ШАРАДЫ

1. Какой город летает?
2. Какой полуостров говорит о своей величине?
3. Название какой реки у тебя во рту?
4. Какой город самый сладкий?
5. Какой уральской рекой играют в шахматы?
6. Какой город самый сердитый?
7. Какую реку можно срезать перочинным ножом?
8. Название какого города состоит из птицы и животного?
9. К какому сооружению нужно прибавить «а», чтобы получить название большой сибирской реки?
10. Какими тремя нотами измеряют мореходы свой путь?

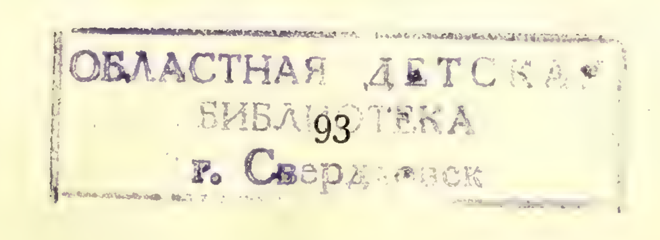
РЕБУС

ЛИТЕРАТУРНАЯ ВИКТОРИНА

1. У какого русского писателя название трёх произведений начинается на букву «О»?
2. Как звали арапа Петра I?
3. Как называется произведение, в котором есть следующие слова: «Тиха украинская ночь»?
4. Как звали Печорина?
5. Откуда слова: «Рождённый ползать—летать не может?»
6. Кого называли: «Неистовый Виссарион»?
7. Какой писатель написал «Алёнушкины сказки»?
8. Как звали няню А. С. Пушкина?
9. Какой поэт и в каком своём произведении воскликнул: «Все работы хороши, выбирай на вкус!»

Ответы будут помещены в № 12 «Боевых ребят».

СОДЕРЖАНИЕ

ИГРЫ

*

Отзывы о сборнике шлите по адресу: Свердловск, ул. Ленина, 47, Свердловское Областное Государственное Издательство.

Редактор *Л. Чумакова*
Техн. редактор. *Л. Носова*
Корректор *Н. Лузина*
*
Подписано в печать 1/VIII 1950 г.
НС 32308. Уч.-изд. л. 4,95.
Бумага $70 \times 92^1/_{16}$. = 3 бумажных —
7,02 печатных листа. Тираж 15000.
Заказ № 160. Цена 3 р. 50 к.
*
5-я типография Росполиграфиздата
при Совете Министров РСФСР.
Свердловск, ул. Ленина, 47.
*

90

3 р. 50 к.

СВЕРДЛОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1950